

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
Зверев

спецагент
из ниоткуда

разведчик-
нелегал

Сергей Иванович Зверев

Спецагент из ниоткуда

Серия «Разведчик-нелегал»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182946
Спецагент из ниоткуда: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35733-8*

Аннотация

Спецагенты не бывают бывшими. Пусть тебя осудили по ложному обвинению в измене Родине, пусть ты не у дел и с горя стал прикладываться к бутылке – в нужный момент всеми забытый неудачник обернется настоящим профессионалом, полным сил и готовым к любым испытаниям.

С годами бывший сотрудник ФСБ Андрей Кремер не утратил профессиональной интуиции и понял, что в деле с похищенным из секретной лаборатории биохимическим соединением его пытаются использовать. Но не тут-то было: с заданием Кремер справился, а попутно вскрыл факты, прямо указывающие на то, что в верхах российской власти действует невиданный по размаху и дерзости заговор...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
1	10
2	19
3	27
4	33
5	38
6	46
7	51
8	56
9	64
10	65
11	79
12	83
13	91
14	96
15	100
16	111
17	117
18	124
19	131
20	143
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Сергей Зверев

Спецагент из ниоткуда

«Дабы понять природу нынешней войны – а несмотря на перегруппировки, происходящие раз в несколько лет, это все время одна и та же война, – надо прежде всего усвоить, что она никогда не станет решающей».
Джордж Оруэлл. 1984

Пролог

Четвертая дверь

1 июня 1945 года

Германия

Советская оккупационная зона

Территория бывшего концлагеря Везенштайн

После яркого полуденного солнца темнота подземелья ослепила их. Лучи мощных фонарей, ползущие по грубой каменной кладке стен коридора, казались настолько бледными, что невольно мелькала мысль о подсевших батарейках. Но батарейки были свежими, их заменили только сегодня утром, и фонари светили в полную силу; это глаза людей не сразу привыкли к новым условиям. Слишком резким был переход из дня в ночь.

Профессор Муромцев шел впереди, за ним полковник НКВД Кравцов. Следом по наклонному коридору спускались еще трое сотрудников НКВД и несколько солдат и саперов, вооруженных всеми необходимыми для работы инструментами.

Эта специальная миссия из Москвы прибыла в Германию две недели назад. Ее организация стоила Кравцову немалых трудов и усилий. Убедить руководство в необходимости миссии было задачей почти невыполнимой. Рассказы бывших узников Везенштайна, освобожденных советскими войсками, при всей их внешней искренности выглядели все же чересчур странными... Помог случай. На праздничном приеме в Кремле полковник разговорился с неким высокопоставленным лицом и между делом пожаловался на возникающие препятствия. Наутро вопрос был решен. В состав группы включили профессора Муромцева, как человека доверенного и проверенного.

Целью миссии были раскопки взорванных входов в подземелья Везенштайна, где, по словам узников, и велись загадочные опыты. Был ли сам Кравцов уверен в своей правоте? До недавнего времени он едва ли мог честно ответить себе «да». Но теперь... О, теперь все изменилось.

Раскопки двух первых заваленных взрывами входов не принесли сколько-нибудь весомых результатов. Приступая к раскопкам третьего, Кравцов и профессор волновались. Если и здесь успехи будут столь же скромными, придется воз-

вращаться ни с чем...

Но третий вход преподнес многообещающий сюрприз. За сильно поврежденной лестницей, на глубине двух метров, солдаты наткнулись на каменную стену. Расчистив часть ее, обнаружили дверь. Эта дверь была сделана из дерева, но породы настолько твердой, что она почти не уступала ни камню, ни даже металлу. Взрывы оставили на ней значительные следы разрушения, и вскрыть эту дверь оказалось нелегко. За ней открылся коридор, уходящий круто вниз. Он заканчивался второй такой же дверью, а за ней была каменная лестница с крутыми ступенями, ведущая метров на десять под землю. Там, в небольшой и совершенно пустой круглой камере, находилась третья дверь; ее-то и предстояло вскрыть сегодня.

В нижней камере, под тяжким давящим сводом потолка, не позволявшим ни на секунду забыть о тоннах земли и бетона над головами, воздух был сухим. Он обжигал легкие, несмотря на царящий здесь холод. Муромцев подумал, что этот воздух насыщен мельчайшей пылью, хотя ни единой видимой пылинки не плясало в лучах фонарей. Следующей была мысль о Карнарвоне и Картере, открывших гробницу Тутанхамона и вскоре умерших загадочной смертью. Если отбросить нелепые домыслы о поразившем их «проклятии фараона», предполагалось, что они могли заразиться в гробнице какой-то неведомой болезнью. А какие угрозы могут таиться здесь, в этом холодном и обжигающем воздухе, кото-

рым трудно дышать... И *там*, за третьей дверью?

Саперы приступили к делу. Они нашли взрывные устройства, обезвредили их, и настала очередь работать солдатам. Дверь упрямо не желала сдаваться; она была укреплена много надежнее, чем две предыдущие. Лишь на исходе третьего часа, когда люди выбились из сил, дверь удалось открыть. С колотящимся сердцем профессор направил луч фонаря в черный проем. Возглас разочарования сорвался с его губ.

– Ничего нет...

Остальные столпились за его спиной, потом вошли за ним в обширный зал. Здесь действительно не было ничего, кроме цинковых столов и открытых настежь пустых сейфов.

– Но если рассказы заключенных верны, – сказал профессор, – а я надеюсь, что это так...

– Я верю, что это так! – перебил его Кравцов.

Он отвернулся, рассматривая стены, водя по ним из стороны в сторону лучом фонаря. Внезапно он замер.

– Смотрите...

Профессор подошел ближе, за ним и другие. Теперь все увидели, что один из выступов стены отличается от других. Начинаясь от самого пола, он заканчивался на высоте человеческого роста. Рисунок на камне состоял из сильно вытянутых треугольников. Там, куда были направлены их острия, располагался странный символ, напоминавший не то букву неизвестного алфавита, не то стилизованное изображение человеческой ладони.

– Что это? – пробормотал Муромцев.

Вопрос был, конечно, риторическим, но Кравцов предположил вслух:

– Четвертая дверь?

– Возможно, возможно...

Левой рукой профессор перехватил фонарь, а правую ладонь положил на знак в центре панели, как бы примериваясь.

– Не трогайте ничего! – поспешно предостерег Кравцов. – Может быть, и тут заминировано...

Профессор отдернул руку. Где-то глубоко под землей слышался глухой нарастающий гул. Стена чуть задрожала.

– Ложись! – закричал один из саперов.

Но выполнить эту команду никто не успел. Неожиданно выступ с каменным скрежетом отъехал назад и в сторону, освобождая темный проход.

– Это механизм, – выдохнул сапер. – Простое устройство на противовесах...

Побледневший Кравцов оглядел всех по очереди, поднял фонарь и сделал шаг в открывшийся проем.

Если остальные ждали новых возгласов разочарования, то не дождались. В течение долгих секунд они не слышали вообще ничего, а потом, когда встревожившийся профессор уже шагнул было к двери, оттуда раздался протяжный вопль ужаса.

В проеме появился Кравцов. Фонарь выпал из его руки и болтался на ремешке вокруг запястья. Лучи всех других

фонарей сошлись воедино на его лице, белом как мел. И это был полковник, не раз со смертью встречавшийся!

– Там... Там... – только и смог он вымолвить, прежде чем рухнуть без сознания на каменный пол.

Часть первая

Профессионал

1

14 апреля 1945 года

7 часов

Германия, порт Киль

Под тяжкими грозовыми небесами разверзлись серо-стальные воды, и чудовище поднялось из морских пучин...

Боевая рубка субмарины U-536 грозно и неудержимо взлетела над волнами, омываемая шумными солеными потоками. Вслед за ней появилась и сама громадная подлодка. Субмарина замерла на рейде базы в глубине обширной Кильской бухты. Штормило, но огромное массивное тело U-536, не шелохнувшись, лежало в лоне вод. Ничего не происходило, словно подводный корабль был мертв. Угрюмые волны разбивались о его борт. Лишь полчаса спустя загрохотали болты открываемого люка, и на мостике рубки появилась фигура командира корабля, фрегаттен-капитана Манфреда Хелгена.

Светловолосый, голубоглазый, атлетически сложенный

Хелген представлял собой почти идеальный тип «истинного арийца». Если бы кому-то пришло в голову разыскать живое воплощение нордической расы, лучшей кандидатуры он не нашел бы во всем рейхе. Но при этом Хелген странным образом не производил впечатления эдакого плакатного викинга. Были ли тому виной многочисленные морщины вокруг усталых глаз или свойственное ему неожиданно мягкое, совсем не «капитанское» выражение лица – так или иначе, Хелген выглядел все же не плакатно.

Вслед за командиром на мостик поднялся первый помощник Отто Гюнтер. Он что-то сказал, наклонившись к самому уху Хелгена, чтобы перекрыть шум ветра и волн. Тот, соглашаясь, кивнул и посмотрел в сторону верфей. Там вздымалась исполинская громада перевернутого линкора «Адмирал Шеер», незадолго до того разбомбленного английской авиацией.

В последние дни британские летчики хозяйничали в Кильской бухте, как у себя дома. Хелген указал Гюнтеру на торчащие из воды палубные надстройки крейсеров, ставших жертвой очередного налета. Разумеется, из регулярных радиосеансов экипаж U-536 был осведомлен о сложившейся ситуации, но фрегаттен-капитан впервые видел учиненный англичанами разгром собственными глазами. Это не просто бомбардировки. Это крах. Манфред Хелген на секунду прикрыл глаза...

На мостик рубки взбежал радист.

– Нам приказано пришвартоваться у второго пирса, – доложил он.

Хелген кивнул, но не спешил вернуться в командирский отсек. С болью оглядывал он покореженные портовые конструкции на берегу, торчащие вверх изогнутые прутья арматуры, руины, оставшиеся от многих арсеналов и складов. Союзники бомбили избирательно, рассчитывая захватить Киль более или менее уцелевшим, но и то, что они успели натворить, ужаснуло Хелгена. Давно, слишком давно U-536 не возвращалась домой. В предыдущие четыре месяца субмарина охотилась за англо-американскими конвоями в Северном Ледовитом океане, пополняя запасы в заполярном норвежском порту Буде, а еще раньше выполняла специальные задания в Гренландском море. Приказ следовать в Киль пришел внезапно. Хелген не пытался гадать, что за ним кроется. Текст радиogramмы за подписью гросс-адмирала Деница был краток и ясен, фрегаттен-капитану оставалось только выполнить приказ.

Швартовка у второго пирса прошла как по нотам, команда действовала подобно деталям швейцарских часов. Прежде чем подняться к встречающим, Хелген обошел все отсеки – от двигателей до торпедных аппаратов. Все было в полном порядке. Фрегаттен-капитан по праву гордился своим кораблем. Его субмарина в случае необходимости могла совершить срочное погружение всего за сорок секунд и уйти на глубину более ста метров. Жизнеобеспечение позволя-

ло свыше двух месяцев находиться в автономном плавании, а два крупновских дизеля по 2200 лошадиных сил каждый развивали скорость надводного хода, превышающую 18 узлов. На борту имелась современная радиолокационная станция. Идя под шнорхелем, воздухозаборным устройством, лодка под водой могла получать воздух для дизелей. Таким образом, U-536 достигала скорости 12–14 узлов, не всплывая на поверхность. Лодок такого класса было построено довольно много, но лишь некоторые из них располагали столь совершенным оборудованием и мощным вооружением.

Облокотившись о леер, Хелген стоял на мостике боевой рубки под трепещущим на ветру военно-морским флагом Германии. По мокрому бетону к трапу неслись две черные приземистые машины. Они развернулись одновременно и замерли в метре одна от другой. Распахнулись блестящие, как крылья жуков, дверцы, из автомобилей вышли пять человек, некоторые в эсэсовской форме. Они остановились у трапа, разглядывая Хелгена. Командир лодки, в свою очередь, смотрел на прибывших. Он узнал штандартенфюрера Ганса Раттенхубера, начальника службы личной безопасности фюрера, и адъютанта гросс-адмирала Деница Людден-Нейрата. Присутствие этих лиц могло означать только одно: вызов в Берлин.

При мысли о Берлине Хелген чуть сильнее сжал губы. Если у него будет хоть полчаса свободного времени, возможно, удастся повидать Анну и родившегося в прошлом году Вер-

нера... Если, конечно, они еще живы, не погибли под русскими или английскими бомбами.

Раттенхубер и Людден-Нейрат взошли на борт. Фрегаттен-капитан встретил их уставным приветствием, после чего все трое обменялись рукопожатиями.

– Не угодно ли позавтракать в кают-компании, господа? – предложил Хелген, прекрасно зная, что последует отказ. У них наверняка нет времени. Сейчас в рейхе ни у кого нет времени, и его остается все меньше...

– Спасибо. – Штандартенфюрер наклонил голову. – Жаль, что мы вынуждены отказаться. Нам приказано немедленно доставить вас на аэродром. Вас ждет рейхсляйтер.

Манфреду Хелгену не впервые предстояло встретиться с рейхсляйтером Мартином Борманом. В первый раз это произошло 23 марта 1942 года, вечером в понедельник, когда фюрер пожелал лично наградить фрегаттен-капитана за совершенный им подвиг Железным крестом. U-536 потопила американский крейсер, на котором находились высокопоставленные представители главнокомандования флота США. Когда крейсер пошел на дно, офицеры пытались спастись на подоспевшем на помощь малом корабле сопровождения. Хелген преследовал его, догнал и уничтожил.

По возвращении в Германию его пригласили в ставку Гитлера «Вольфсшанце». После награждения состоялся скромный ужин. Присутствовали генерал Карл Генрих Боденшатц, постоянный представитель воздушных сил в ставке фюре-

ра, бригаденфюрер Вальтер Хавель из Министерства иностранных дел, рейхсляйтер Борман, личный биограф Гитлера тридцатилетний оберрегирунгсрат Пикер и Хелген.

Рядом с дверью располагалась телефонная будка. Извинившись перед соседями по столу, Мартин Борман направился к телефону. Хотя он плотно прикрыл за собой дверь, его могучий бас рокотал и громыхал на всю столовую.

В этот момент появился фюрер: он немного задержался, читая сводку иностранной прессы. Гитлер находился в превосходном расположении духа. Подмигнув присутствующим, он с улыбкой показал на телефонную будку.

– Ну и взбучка! – воскликнул он.

Борман закончил разговор и вернулся к столу. Шла легкая, ни к чему не обязывающая беседа – говорили о содержании сусла и алкоголя в пиве, о новой книге Булера, посвященной Наполеону, о Лютере и готическом стиле в архитектуре. За десертом фюрер, желая сделать приятное Хелгену, в честь которого, собственно, и давался сегодняшний ужин, заговорил об успешных действиях германского подводного флота.

– Как приятно сообщить, дорогой Хелген, – сказал он, – что тоннаж потопленных кораблей наконец составил круглое число. Семьдесят одна тысяча тонн! Это больше, чем американцы могут построить за месяц... Корпуса кораблей еще можно склепать, а двигатели? В этом-то вся проблема.

Хелгену было известно, что США строили намного боль-

ше судов, чем теряли от немецких субмарин, но он промолчал.

– Не знаю, как американцы, – заметил Боденшатц, – а что до англичан, они превосходно воюют на море. Хотя бы потому, что знают о превосходстве итальянцев в авиации и тем не менее рискуют отправлять конвои, да еще без сопровождения линкоров.

– В объятия герра Хелгена, – преувеличенно мрачно сказал Борман, и все засмеялись.

– В отличие от янки, – отозвался бригаденфюрер Хавель. – Не спорю, они хорошие моряки, но для морской войны непригодны.

– Господин Рузвельт не рассчитывал на то, что у нас есть такое мощное оружие, как подводные лодки, – произнес Гитлер. – Наше преимущество в том, что мы с самого начала ограничились всего несколькими типами субмарин и учли все их особенности при серийном производстве. Основа остается неизменной, а вот в конструкцию отдельных подводных кораблей можно внести изменения.

Эта реплика фюрера не оказалась брошенной на ветер. Вскоре на U-536 была установлена новейшая радиоаппаратура и дополнительное оборудование. Уже тогда Гитлер задумал использовать субмарину Хелгена для специальных операций. Разумеется, ни ему, ни другим присутствовавшим за столом не могло прийти в голову, что всего через три года война будет безнадежно проиграна и «специальные опе-

рации» окажутся связанными с поспешным бегством.

– Вообще, нашим подводным лодкам, – продолжал фюрер, – суждено сыграть решающую роль в войне. Ну, хорошо: пусть даже господину Рузвельту удастся не допустить расширения военных действий на Исландию – как он любит выражаться, его перевалочный пункт западного полушария. Но положение вещей ныне таково, что уже вся Атлантика, а не только та ее часть, где проходят северные английские конвои, стала зоной оперативных действий наших субмарин! Им даже на руку, что в Средней Атлантике ночи длятся по 8 – 10 часов, не так ли, дорогой Хелген?

После ужина и просмотра нового выпуска «Дойче вохеншау» (обилие кадров с ликующими детьми привело Гитлера в восторг) фюрер и Борман тепло попрощались с Хелгеном, а начальник сопроводительной команды штурмбаннфюрер Гешке сообщил ему о предоставлении двух суток отпуска.

Весь следующий день Хелген провел в Восточной Пруссии у престарелых родителей (они погибли в автомобильной катастрофе в 1943 году), а затем отправился в Берлин – к Анне.

Они сидели в уютном погребке близ ратуши, при свечах, и говорили о будущем. Тогда они еще не были женаты. В одни и те же понятия они вкладывали разный смысл. Для Анны «потом» означало «после победы». Хелген вообще избегал говорить о конце войны. Нет, он не был паникером или пораженцем, да и военная ситуация марта 1942 года вряд ли

могла натолкнуть немецкого офицера на мысль о том, что Германия способна проиграть. Но он был солдатом, а любой солдат хорошо знает, что не всякая война заканчивается победой, военное счастье изменчиво.

Теперь, глядя на разрушенный бомбардировками Киль, он вспомнил этот вечерний разговор в марте сорок второго...

Хелген уселся на заднее сиденье машины, рядом с ним разместился Раттенхубер. Людден-Нейрат сел впереди. Вторая машина шла следом.

– У вас есть полномочия сообщить мне, с чем связан этот вызов, штандартенфюрер? – спросил Хелген по дороге на аэродром.

– Если бы я получил такой приказ, я бы уже выполнил его, – скупно улыбнулся Раттенхубер.

Ехали на большой скорости минут сорок – дорожные полицейские почтительно козыряли, едва заведя правительственный штандарт. Машины въехали прямо на летное поле и затормозили возле «Мессершмитта». У трапа самолета вытянулся человек в форме капитана ВВС. В 9 часов 42 минуты «Мессершмитт» взял курс на Берлин.

14 апреля 1945 года

13 часов 50 минут

Берлин

Сдавая личное оружие адъютанту Бормана, Хелген думал о том, каким он увидит рейхсляйтера теперь...

– Идите по этой лестнице, – распорядился адъютант, – и далее по коридору до конца.

– У меня не будет сопровождающего? – сдержанно удивился Хелген.

– Рейхсляйтер высказал пожелание, чтобы вы пришли один.

Фрегаттен-капитан спустился по лестнице и ступил на шероховатый пол длинного бетонированного коридора с рядами дверей по обеим сторонам. У каждой двери справа и слева в предписанной уставом позе замерли эсэсовцы с автоматами. Дальняя дверь была обита красной кожей. Охранники тщательно проверили документы Хелгена и посторонились.

В просторном кабинете, освещенном мягким неярким светом настольной лампы, сидел за столом Борман. Он поднял взгляд на Хелгена, застывшего в приветственной позе. Перемена была разительной. Вместо подтянутого, уверенного в себе человека, каким он запомнил Бормана, Хелген увидел почти старика. Рейхсляйтер сутулился, он даже будто

стал меньше ростом. Глаза потускнели, из них исчез ироничный огонек. Сильно же изменился Борман с того вечера в сорок втором, когда состоялся ужин в ставке «Вольфсшанце»! Но трудно было бы найти в рейхе человека, которого не изменили эти три года...

– Садитесь, – негромко предложил Борман.

Он встал из-за стола, медленно подошел к большому радиоприемнику, взял с его крышки пистолет. Ни слова не говоря, он долго рассматривал оружие, потом тяжело повернулся к фрегаттен-капитану.

– Умер выдающийся человек, – тускло произнес он. – Германия лишилась великого сына. Генрих Шлессер застрелился...

В лице Хелгена ничего не изменилось – он никогда не слышал о Генрихе Шлессере.

Борман вернулся за стол. Желтый круг электрического света задел краем его руку.

– Война не проиграна, Хелген. Проиграно сражение, но не война. Окончательная победа безусловно и неизбежно будет принадлежать Германии. Когда-нибудь... Через много лет.

Рейхсляйтер замолчал. Он смотрел сквозь Хелгена, словно пытаясь увидеть, разглядеть это неведомое будущее.

– Шлессер знал это, – вновь заговорил Борман. – Он был одним из тех, кто создавал фундамент грядущей победы. А вы, Хелген, – один из тех, кому предстоит сохранить этот фундамент.

Борман снова поднялся, отпер встроенный в стену сейф и вынул оттуда коричневую папку с золотым орлом и двумя золотыми застёжками.

– Здесь документы Шлессера, – сказал он. – Здесь мощь и сила Германии. Вы должны сохранить эти документы любой ценой. Даже ценой собственной жизни. До тех пор, пока не придет час... Считайте это частью завещания фюрера, адресованной лично вам.

– Да, рейхсляйтер, – ответил Хелген.

Борман перевел дыхание, будто сбросив тяжкую ношу с плеч.

– В рейхе не так много людей, на которых еще можно положиться, – заметил он уже более живым тоном. – К счастью, вы один из таких людей... Признайтесь, вам ведь хочется знать, что находится в этой папке?

Хелген изобразил на лице смесь изумления и негодования.

– Ну, ну, не надо. – Борман махнул рукой. – Здесь нечто более могущественное, чем все оружие, вместе взятое... Шлессер назвал это проектом «Деймос». Да, тот самый Деймос, сын Марса, бога войны. Ужас – так переводится его имя. Ужас для наших врагов и окончательная победа для нас...

Взгляд Бормана снова потух. Рейхсляйтер бессильно опустился на диван у стены, словно в нем внезапно иссяк заряд энергии. Он сделал прощальный жест.

– Я не задерживаю вас больше... Подробности вам объяс-

нит Раттенхубер. Прощайте, Хелген, и удачи вам...

Манфред Хелген не знал, и не мог знать, какие события предшествовали срочному вызову в Берлин. Разумеется, документы Шлессера были отнюдь не единственными совершенно секретными бумагами, которые надлежало вывезти и сберечь ради будущего немецкой нации, ради воскрешения рейха из руин войны. Знаменитая фраза: «Если немецкий народ не способен победить, он должен погибнуть» — принадлежала обезумевшему Гитлеру. Но кроме него были и другие. И не о гибели нации думали они в эти трагические апрельские дни сорок пятого. Они думали о борьбе и победе, думали о том, что придет.

Гросс-адмирал Дениц организовал эвакуацию из Киля в широчайших масштабах. Надводные суда уходили десятками ежедневно. «Цель гросс-адмирала, — отмечал Людден-Нейрат в своем дневнике, — спасение возможно большего числа немцев». Но уязвимые для ударов с воздуха неповоротливые корабли не годились, чтобы вывозить на них столь важные и ценные секреты, к каким относились документы Шлессера. Им необходимо было обеспечить максимальную безопасность, насколько это представлялось возможным в условиях конца войны. Вопрос тщательно прорабатывался на недавнем совещании у Бормана. Обсуждались варианты эвакуации по воздуху и по уцелевшим линиям железной дороги, по понятным причинам отброшенные. Борман остановился на подводной лодке. Тщательно проверялись кандида-

туры многих командиров субмарин, среди них был и Хелген. Прозвучало и предложение направить на подводную лодку специального эмиссара с документами, не посвящая командира в суть дела, но Борман решительно воспротивился этому.

– Командир и только командир, – заявил он, – отвечает за все, что происходит на его корабле, и только командиру я доверю бумаги Шлессера.

Круг поисков сужался. Наиболее безупречные послужные списки оказались у трех человек, одним из которых явился Хелген. И Борман не забыл короткой встречи с Хелгеном в сорок втором и благоприятного впечатления, которое тот произвел. В конечном счете и поэтому Хелген стоял сейчас перед Борманом, сжимая папку в руках.

Он двинулся к выходу.

У дверей Хелген оглянулся. Борман снова смотрел на пистолет, будто оружие гипнотизировало его...

Фрегаттен-капитана проводили в кабинет Раттенхубера. Штандартенфюрер жестом предложил садиться и извлек из сейфа несколько документов и карту маршрута следования.

– Вы отходите из Киля в два часа ночи послезавтра, – пояснил он, передавая Хелгену бумаги. – Как показано на карте, через Малый Бельт выходите в Каттегат, проходите Скагеррак, огибаете с севера берега Англии и далее – Атлантическим океаном к берегам Бразилии. Наша дипломатическая служба в этой стране получила указание встретить вас.

Вы свяжетесь с нужными людьми по радио, вот особый код радиосвязи. Дальнейшие инструкции получите на месте... Теперь вот что. На тот случай, если ваша лодка подвергнется атаке, гросс-адмиралом Деницем приняты следующие меры. На побережье Малого Бельта, вот здесь, – палец штандартен-фюрера коснулся карты, – и на вашем пути на островах Эре, Фюнен, Самсе и Анхольт организованы специальные спасательные посты, имеющие единственную задачу оказать вам помощь. С ними вы также сможете связаться по коду, вот этому. Детали согласуете с Людден-Нейратом. В Киль вас будет сопровождать охрана и представитель генштаба Ульрих де Мезьер, ответственный за операцию лично перед рейхс-ляйтером. Вопросы?

Движением головы Хелген дал понять, что вопросов нет.

– Хайль Гитлер! – заключил Раттенхубер.

– Хайль Гитлер!

Предупредительный адъютант провел фрегаттен-капитана к апартаментам, временно занимаемым Ульрихом де Мезьером. Этот невысокий подвижный человек понравился Хелгену, и он решил обратиться к нему с просьбой, с какой никогда не подступился бы ни к Раттенхуберу, ни тем более к Борману.

– Когда мы отправляемся на аэродром? – спросил он.

Генштабист бросил взгляд на часы.

– Есть полтора часа. Хотите отдохнуть?

– У меня в Берлине жена и сын...

Де Мезьер пристально посмотрел на Хелгена.

– Но вам ясна ситуация в Берлине, – сказал он. – Хотя сейчас и относительная передышка, но вы теперь важная персона...

– Думаете, прогуляться по улицам Берлина опаснее, чем сражаться с врагами в океане?

– Гм... Пожалуй, вы правы. Да и как бы ни закончилась ваша миссия, вам вряд ли вскоре выпадет случай увидеть родных... Давайте сюда документы.

Хелген передал де Мезьеру коричневую папку и бумаги, врученные Раттенхубером. Генштабист поместил их в черный чемоданчик с секретными замками и поставил в сейф.

– У вас полтора часа, – напомнил он.

Хелгену не понадобилось столько времени. Оглушенный и ослепленный, ничего не видя, стоял он перед развалинами разбомбленного дома. Сгорбленная фигура копошилась в дымящихся руинах. Пожилая женщина подняла голову, случайно наткнулась взглядом на Хелгена и ахнула.

– Это вы!

Траурная пелена перед глазами Хелгена начала развеиваться, и он узнал фрау Марту, их старую домработницу.

– Анна... – глухо выдавил он.

– Да живы они, живы, – быстро заговорила старушка, продвигаясь ближе, переступая через обломки. – Вчера ночью уехали. Тут была такая бомбежка, настоящий ад! Англичане, как бешеные псы, совсем с цепи сорвались. Было много

машин, солдаты... Фрау Анна с маленьким Вернером уехали. Звали меня, а куда я поеду? В целом свете у меня никого нет...

– Куда их увезли?

– Я не знаю...

– Вчера ночью, – механически повторил Хелген. – Вчера ночью...

– Вы найдете их! Главное – они живы...

Хелген достал из кармана вечное перо, оглянулся по сторонам, оторвал обложку от валявшегося на мостовой старого журнала, нацарапал на ней несколько слов и протянул фрау Марте. Подумав, дописал еще что-то.

– Зайдите по этому адресу, – проговорил он. – Там живет доктор Вольфганг Роде, это мой друг. Доверьтесь ему, он окажет вам необходимую помощь.

Фрау Марта всплеснула руками:

– Бог не забудет вашей доброты... Будь проклята эта война!

Час спустя автомобиль увозил Хелгена и де Мезьера на аэродром. Черный чемоданчик был прикован к запястью Хелгена цепочкой.

Ночь с 16 на 17 апреля 1945 года

1 час 20 минут

Киль

U-536, освещенная слепящими лучами прожекторов, замерла в железобетонном укрытии для субмарин. Бассейн этого сооружения, защищенного от воздушных атак плитой толщиной четыре с половиной метра, мог вместить до тридцати подводных лодок одновременно, но сейчас здесь находилась только одна. Профилактические работы заканчивались, ремонтники и команда наводили последний глянец.

У трапа фрегаттен-капитан беседовал с Ульрихом де Мезьером и Людден-Нейратом. После отплытия первому предстояло отправиться к Борману с докладом о начале миссии U-536, а второй должен был доложить то же самое гросс-адмиралу Деницу.

На прощание все трое пожали друг другу руки. Хелген поднялся на борт. Трап был убран. С этого момента началось непосредственное выполнение задания рейхсфюрера.

Хелген совершил обход своего корабля. В целом он остался доволен, лишь сделал несколько малозначительных замечаний мотористам в машинном отделении. Сверкая начищенными деталями, тускло блестя свежим маслом, дизели гудели на холостом ходу. Хелген положил ладонь на ко-

жух машины и ощутил глубинную вибрацию. Скрытая мощь двухтысячесильных двигателей готова была вырваться на свободу, унося тайну рейха в далекую, безопасную Южную Америку.

Через тесную кают-компанию (вокруг стола с трудом могли разместиться шестеро) Хелген прошел в командирский отсек. Он посмотрел на хронометр, включил переговорное устройство и принялся за проверку готовности служб к отплытию. Первый помощник Гюнтер, второй помощник Бауэр, «слухач»-радиолокаторщик Отто Метц и остальные, несущие вахту, уже заняли свои места.

Стрелки хронометра отметили два часа ночи.

– Малый вперед, – приказал Хелген.

Пол командирского отсека ощутимо задрожал. В машинном отделении взревели дизели, передавая усилие на огромный вал. Субмарина тяжело отвалила от пирса и направилась к пятисотметровому каналу, ведущему из бетонированного укрытия в воды Кильской бухты.

Опасность грозила лишь с воздуха и ночью была минимальной. Поэтому Хелген передал командование Гюнтеру вплоть до подхода к горловине Малого Бельта и ушел в свою каюту.

Фрегаттен-капитан расстегнул воротник, прилег на узкую металлическую койку. Над привинченным к полу столом висела фотография смеющейся Анны в белом платье, сделанная в Ноймюнстере вскоре после их знакомства. Хелген

смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Годы тяжелой войны приучили его смотреть именно так – даже когда он оставался один...

Усталость смыкала веки. Хелген приказал себе уснуть – впереди много трудных часов... Его разбудил гудок переговорного устройства.

– Мы на траверзе плавучего маяка Шлейемюнде, – доложил Гюнтер.

– Иду.

Хелген вернулся в командирский отсек и через несколько минут поднялся на мостик боевой рубки. Справа он видел огни спасательных постов на острове Фюнен, слева темнела громада полуострова Ютландия.

– Самый малый, – скомандовал Хелген.

Дизели сбавили обороты. Ветра не было, блики ущербной луны едва касались неподвижных вод.

– Стоп, машина.

Внутри корпуса субмарины все замерло. Хелген спустился вниз и распорядился задраить люк. Извилистый, изобилующий коварными скалами и мелями пролив Малый Бельт начинался прямо перед кораблем. Наступало время радиолокаторщика Метца, теперь он становился основной фигурой на борту.

Включились электромоторы. Почти бесшумно U-536 скользнула в тесное горло пролива.

К рассвету субмарина миновала маяк Фридересин. Далее

простирались воды широкого и безопасного Каттегата. Безопасного для навигации, но и только...

В 6.30 утра, когда фрегаттен-капитан отдал приказ погрузиться под шнорхель и следовать курсом норд-ост вдоль датских берегов, на английском военном аэродроме близ Фоллестона летчик Дэвид Хантер наблюдал, как техники готовят его «Харрикейн» к боевому вылету. Легкий, высокоскоростной истребитель после небольшой реконструкции мог нести под крыльями две мощные глубинные бомбы. Это было сделано специально с целью уничтожения подводных лодок, пытающихся бежать из Килия. Неповоротливые бомбардировщики становились слишком легкой добычей для зенитной обороны порта, организованной с немецкой педантичностью. Юркие «Харрикейны» – другое дело.

В последние дни войны U-536 была далеко не единственной субмариной, предпринимающей попытку уйти из Кильского порта. Там, в порту, ожидали эвакуации тысячи высокопоставленных лиц рейха и сотни тонн ценных грузов. Обнаружить подводные корабли с воздуха было нелегкой задачей для союзной авиации, и многие из них благополучно достигали портов назначения. Но многие другие находили вечную безмолвную стоянку на дне Каттегата и Скагеррака...

К полудню 17 апреля U-536 проскользнула мимо острова Самсе и на девяти узлах двигалась к восточному глубоководному фарватеру Каттегата. «Харрикейн» Дэвида Хантера патрулировал на предельно малой высоте. У английского

летчика было очень немного шансов обнаружить шнорхель при плохой видимости... Но Хелгену не повезло. Встреча состоялась в двухстах милях от Киля, близ острова Анхольт.

– Британский самолет, командир, – доложил Метц.

– Срочное погружение!

Открылись кингстоны балластных цистерн, вода хлынула внутрь. Дэвид Хантер спикировал на цель и сбросил первую глубинную бомбу. Белый столб воды взметнулся к небу. Промаях... Дэвид выругался, крутанул немислимый разворот и всадил вторую бомбу в боевую рубку субмарины.

Грохот взрыва оглушил команду подводного корабля. Трое матросов и второй помощник, несшие вахту в рубке, погибли сразу.

– Прямое попадание, командир! – крикнул Гюнтер. – Крен на правый борт, сильный дифферент на корму!

– Метц, немедленно связь с постом Анхольта. Температура воды за бортом?

Гюнтер бросил взгляд на шкалу.

– Плюс восемь, командир.

– Не жарко...

Новый удар сотряс прочный корпус корабля. Субмарина рухнула на дно пролива и застыла в наклонном положении. Фрегаттен-капитан стремительно прошагал в каюту, открыл сейф, достал папку и вынул из нее документы Шлессера. Он тщательно завернул их в несколько слоев прорезиненной ткани и укрепил на теле при помощи пояса.

Команда собралась в торпедном отсеке.

– Что с Анхольтом, Метц? – спросил Хелген.

– Они идут на помощь.

– Надеть гидрокостюмы с химическими грелками. Выходить по одному через трубы торпедных аппаратов.

Фрегаттен-капитан покинул корабль последним. Катер с острова Анхольт подобрал всех спасшихся с погибшей субмарины. Среди спасенных был и Манфред Хелген, но тайная миссия U-536 завершилась, едва начавшись.

Подмосковье

Наши дни

Маркин стоял у приоткрытой калитки, курил и время от времени бросал нетерпеливые взгляды в темную аллею, откуда вот-вот должен был показаться автомобиль. Багров опаздывал уже на четыре минуты, это было на него не похоже... Маркин посмотрел на живую изгородь справа. За ней должен находиться охранник, и можно быть уверенным, что он именно там и находится. А слева, между теннисным кортом и оранжереей, охрану несут сразу двое. Есть и другие... Надежные ребята, Маркин их лично подбирал. И мышь не проскочит на территорию уединенной дачи.

Все остальные были в сборе. В уютной гостиной у камина разместились шесть человек, все были хмуры и молчаливы. На круглых столиках лежали сэндвичи, стояли бутылки с минеральной водой и спиртными напитками. Но никто ничего не ел и не пил.

Маркин взглянул на часы и тут же услышал шум мотора. «Мерседес» затормозил у ворот. Водитель подскочил к задней дверце, распахнул ее. Маркин поспешил навстречу человеку, выходявшему из машины.

– Добрый вечер, Иван Антонович, ждем вас с нетерпением... – Маркин прикусил язык. Это «с нетерпением» могло

быть воспринято как намек на недопустимое опоздание. Но прибывший лишь коротко буркнул:

– Здравствуй, Алексей, – и зашагал к дому. Шофер и телохранитель не последовали за ним, а как часовые застыли у ворот. Маркин зашел вперед и открыл перед Багровым дверь.

Прибывшего звали не Иваном Антоновичем, но даже здесь, на даче, многократно осмотренной первоклассными специалистами, которые дают гарантии, что в здании не имеется всякого рода подслушивающих и подсматривающих устройств, не рекомендовалось произносить вслух его настоящее имя.

Багров вошел в гостиную, поздоровался с присутствующими и уселся в кресло у камина.

– Давайте начинать, – сразу сказал он. – У меня очень мало времени. Алексей Владимирович!

Маркин встал со стула, на который только что сел.

– Все мы в курсе дела, – начал он, – так что я не буду тратить время на предисловия. Доклад подготовлен Олегом Сергеевичем. Прошу вас.

Олег Голдин – подтянутый, элегантный, похожий чем-то на Пирса Броснана – раскрыл лежавшую на его коленях папку.

– В процессе порученной мне работы, – он говорил негромко, но очень отчетливо, как хороший актер, – моя группа тщательно рассмотрела несколько кандидатур для

выполнения известного задания. Подходящих людей трое, но использование одного из них сопряжено с большим риском из-за того, что он находится под пристальным вниманием... мм... э-э... соответствующих структур. Второй кандидат сейчас за границей...

– И мы не можем достать его оттуда? – перебил Багров, не отрывая взгляда от горящих поленьев.

Голдин тонко улыбнулся:

– Ничего невозможного нет, Иван Антонович. Но в создавшейся обстановке это неизбежно привлечет к нашей работе нежелательное внимание.

Багров молча кивнул.

– Итак, у нас остается один кандидат, но зато, пожалуй, самый лучший, – продолжал Голдин. – Это Андрей Викторович Кремер.

– Кремер, – обронил Багров. – Фамилия как будто немецкая?

– Его прадед был австрийцем. Перебрался в Россию еще до революции.

– Ладно... Рассказывайте о Кремере.

– Я как раз приступаю к этому. – Голдин заглянул в папку. – Кремер, Андрей Викторович... Возраст – тридцать шесть лет... Бывший сотрудник ФСБ. Высокопрофессионален, инициативен, решителен. Восемь лет назад был арестован, обвинен в измене и осужден на основании собранных доказательств. Отбывал наказание...

– Что там произошло? – спросил Багров.

– Разрешите мне пояснить, Иван Антонович, – вмешался один из присутствующих. – Кремера попросту подставили. Его обвинили в том, что он продал за кордон сведения, составляющие государственную тайну. Обвинение состряпали так ловко, что невиновность Кремера не была доказана и позже. Ему дали восемь лет, из которых он отсидел шесть, но вышел не будучи оправданным, по амнистии.

– А кто состряпал обвинение и зачем? – произнес Багров. – Я имею в виду – для нас это интересно?

– Не думаю, – сказал Голдин. – Это были его, так сказать, конкуренты. Борьба за карьеру, за кресло... Дела давно минувших дней.

– И он точно пострадал без вины?

– Я сам занимался этим вопросом и могу утверждать – да, точно. Юридических доказательств у меня нет, но мы же не в суде... И потом, для нас какая разница?

– Почти никакой, – согласился Багров. – Продолжайте, Олег Сергеевич.

– Итак, он освободился два года назад. Пока он находился в заключении, умерла его мать, к которой он был очень привязан. Он получил небольшое наследство, сменил несколько мест работы, подолгу нигде не удерживался. В настоящее время проживает в Москве, в однокомнатной квартире на Шепиловской, более полугода нигде не работает, пьет. Не женат, детей нет. Контакты с женщинами редки и случайны.

Из поля зрения соответствующих структур выпал, им уже никто не интересуется. По всем параметрам идеальная для нас кандидатура.

– Идеальная? – Багров поднял брови. – Шесть лет в заключении, да еще пьет... Он у вас давно растерял все навыки.

– По мнению наших психологов, – возразил Голдин, – депрессия Кремера вызвана не только допущенной по отношению к нему несправедливостью и смертью матери. Образно говоря, он растаял, как холодильник, отключенный от электросети. Как только он почует вкус настоящего дела, он очень быстро восстановит форму.

Багров некоторое время размышлял.

– Ну, насколько я понимаю, – медленно проворчал он наконец, – никого другого у вас все равно нет.

– Кремер – идеальная кандидатура, – упрямо повторил Голдин.

– Ну, что ж. – Багров поднялся из кресла. – Действуйте... До свидания.

На этом совещание было окончено.

Москва

Как и обычно в этот час, бар был полон. Над головами гомонивших людей витал табачный дым, временами почти полностью заволакивая табличку «Просьба не курить». Кремер не прислушивался к разговорам и не принимал в них участия. Он молча допивал очередную кружку пива, пребывая в воображаемом мире. Здесь с ним была его мать, здесь были друзья школьных лет, все, кого он когда-то знал и любил. И все из прошлого. В настоящем не существовало ни одного человека, которого он мог бы назвать своим другом. Во время работы были коллеги, партнеры, временные попутчики и постоянные противники. После работы не стало никого. Впрочем... Совсем ли так?

Когда Кремер был освобожден, его встречал у ворот лишь один человек – Станислав Михайлович Горецкий, Стас Горецкий, теперь полковник ФСБ. Его белый «Хундай Эланта» стоял поодаль. Стас протянул руку и не дождался ответного жеста.

– Мм... Ну ладно, – пробормотал он, засовывая руку в карман. – Но послушай, Андрей...

– Все это великолепно, – сказал Кремер с ядовитой улыбкой. – Как будто мы играли в шахматы, я вышел на минутку...

Горецкого было не так просто сбить с толку.

– Послушай, – повторил он терпеливо. – Если ты распространяешь свое отношение к тем, кто тебя подставил, и на меня, и на все ведомство...

– Ну, что ты. Я так, развлекался здесь. Как-то жаль, что кончилась вечеринка.

– Андрей, многое изменилось. Тех людей уже нет.

– О... В буквальном смысле?

– Те ребята... Они много чего еще натворили. Их уже нет.

– Дивно, – сказал Кремер. – Главное, вовремя...

– Да брось ты разыгрывать обиженного младенца! Лучше поздно...

– А когда было не поздно – где был ты и твои рыцари справедливости?

– Андрей! Ты ведь знаешь, что тогда меня не было в Москве, не было в России. Но если бы и был, вряд ли смог бы...

– Знаю... Из твоего единственного письма! Ты вернулся давно. И даже не удосужился приехать ко мне! Зато теперь, когда меня освободили...

– А почему ты так уверен, что я не имею к этому отношения?

– К моему освобождению? Я вышел по амнистии, Стас.

– Да, но кое-кто прилагал усилия, чтобы эта амнистия не прошла мимо тебя.

– Ты сказал, что их уже нет.

– Это не они.

– Кто же? Полковник Шведов, например?

– Да, он.

– Вот кого я меньше всего хотел бы видеть...

– Это ты зря. Сергей Шведов – человек стоящий. И если он не верит в твою невиновность, так ведь все доказательств... Впрочем, не беспокойся, увидеться с ним тебе не придется.

– Это еще почему?

– Его перевели... Куда-то на Дальний Восток.

– О, вот как... Что же он натворил?

– Да нет, это скорее повышение... Его перевели в так называемое «управление М»...

– Никогда о таком не слышал.

– Ты будешь смеяться, но и я о нем мало что слышал... Это что-то сверхсекретное, а я не в числе допущенных.

– Ладно, Стас. – Кремер устало вздохнул. – Раз ты приехал хоть сейчас...

– Я хочу помочь тебе.

– Отлично. Подбрось меня в центр. Это единственная помощь, в которой я сейчас нуждаюсь.

– Оставь этот тон. Думаю, предлагать тебе вернуться на службу пока рановато, но...

– Пока?

– Слушай, я приехал как друг.

– Прости, Стас. Не из-за тебя... Из-за ведомства. Я при-

шел к выводу, что плащ и кинжал – не мои любимые элементы костюма.

– Разумеется, никакие твои выводы не заставят меня перестать быть твоим другом.

– Спасибо... Но мне действительно ничего не нужно.

– Это сейчас. Но если...

– Может быть.

В машине, когда они ехали в город, важных тем никто из двоих не касался. С тех пор они не виделись. Кремер не звонил по известным ему телефонам, Стас тоже не объявлялся. Нельзя сказать, что Кремера не мучила совесть из-за того, что он так обошелся с другом. Но... Это была иная жизнь. Теперь – пиво, обрывки воспоминаний...

Он поставил кружку на стол и машинально посмотрел на запястье. Часов не было. Он продал их, как продал многое другое из еще сохранившегося имущества. После смерти матери он получил наследство – и так-то невеликое, а при нынешней дороговизне... Кремер не задумывался о том, что произойдет, когда он истратит свой последний рубль и больше нечего будет продать. Он вообще ни о чем не задумывался. Иногда в его памяти всплывали смутные картины – какие-то города, какие-то люди, но он не мог узнать этих мест и вспомнить имена этих людей. Он и не пытался. Это было далеко. Это было давно. Это было не с ним.

Он выбрался из полуподвального бара, достал пачку «Явы», закурил и неторопливо побрел к станции метро. По-

ра домой, смотреть телевизор, футбол сегодня...

У самой двери Кремер уронил ключи, и хотя по его мерке вовсе не был так уж пьян, тем не менее потратил на поиски в полумраке лестничной клетки уйму времени. Наконец он вставил ключ в замочную скважину и шагнул в прихожую.

Что-то было не так. Кремер застыл у открытой двери, стараясь понять, в чем дело. Все его полузабытые профессиональные рефлексy обострились до крайности, без труда преодолев тонкий заслон опьянения. Вроде все, как всегда, все на своих местах... Вдруг он догадался. Запах. Едва уловимый, незнакомый ему запах какого-то мужского одеколона или дезодоранта. Кремер закрыл дверь и вошел в комнату.

В единственном кресле у окна сидел человек лет тридцати пяти, одетый легко, не без претензии на элегантность. «Похож на Джеймса Бонда, – подумал Кремер... – На Пирса Броснана. Стильный парень».

– Не волнуйтесь, Андрей Викторович, – сказал незнакомец. – Мы с вами впервые видимся, но, надеюсь, подружimsя. Садитесь, пожалуйста.

Хозяйским жестом он указал на стул. Кремер с изумлением увидел на столе бутылку «Джека Даниэльса», фрукты в хрустальной вазочке и две рюмки.

– Вы ждали даму, – уничтожающе съязвил Кремер. – Я вас разочаровал.

Незнакомец тонко улыбнулся.

– Я ждал вас, Андрей Викторович. Но так как разговор у

нас с вами будет долгий, я позволил себе... – Он неопределенно повел рукой в воздухе.

– Я не хочу вести с вашим ведомством никаких разговоров, – сказал Кремер, но без всякого нажима. Это было ни к чему – он слишком хорошо знал, что гость не уйдет, пока не закончит своего дела.

– Андрей Викторович, – мягко продолжал Голдин. – Вы не знаете меня, но я хорошо знаю вас. Мне отлично известны ваши профессиональные качества....

– Вот мои профессиональные качества, – перебил Кремер и щелкнул ногтем по бутылке.

Голдин усмехнулся:

– Не прибедряйтесь, Андрей Викторович. Что бы вы сказали, если бы перед вами открылась возможность вновь послужить Родине?

– Какой Родине?

– Простите?

– Той, что была, или той, что сейчас?

– Той, что будет, – сказал Голдин.

– Любопытно. – Кремер уселся на стул и скрестил руки на груди. – И что же будет?

– Видите ли, Андрей Викторович... Я не представляю то ведомство, к которому вы так безоговорочно меня отнесли. Более того, формально я вообще никого не представляю.

– Кто же вы?

– Ну, можно сказать... Работодатель.

– Предлагаете работу? Какого рода?

– По вашей прямой специальности. Неплохой гонорар, перспективы...

– Спасибо. Это мы уже проходили в одной школе... Что, если я откажусь?

Голдин пожал плечами:

– А почему вы должны отказываться? У вас нет, грубо говоря, ни кола, ни двора, ни гроша за душой и никакого будущего.

– Спасибо и за это. Вы видите вещи такими, какие они есть.

Голдин встал, прошелся по комнате и остановился у окна, глядя мимо Кремера куда-то в пространство.

– По отношению к вам была допущена несправедливость, – с неискренним сочувствием произнес он, – вы обижены и живете по принципу «чем хуже – тем лучше». Но кому хуже? Вам. А кому лучше? Да никому. Не думаю, что это очень умно... Однако давайте перейдем на деловой язык. Я уполномочен предложить вам за выполнение задания тридцать тысяч долларов. Подробности будут сообщены после вашего принципиального согласия обсудить дело.

– Нет, – сказал Кремер.

– Причем десять тысяч вы получите немедленно, наличными в виде аванса. Они здесь, в кейсе.

– Вы что, глухой? – Кремер повысил голос. – Я сказал «нет».

– Пятьдесят тысяч.

– Вас давно не спускали с лестницы?

Глаза Голдина стали узкими и злыми.

– Вам, нищему, предлагают хорошие деньги! Да для вас это целое состояние!

Кремер вплотную приблизился к Голдину и осторожно взял его за лацканы светлого пиджака.

– Убирайтесь, – тихо сказал он, развернул назойливого гостя и легонько подтолкнул в сторону двери.

Голдин взглянул на него через плечо с явным сожалением.

– У меня такое предчувствие, что мы еще увидимся.

Он вышел, захлопнув дверь. Кремер задумчиво посмотрел вслед незваному гостю, перевел взгляд на бутылку виски и усмехнулся.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. – Он включил телевизор, откупорил бутылку и вонзил зубы в сочную грушу.

Кремер занимался ликвидацией беспорядка в квартире – дело было в том, что впервые за долгое время он ждал в гости женщину. Они познакомились на улице. Около четырех часов пополудни он возвращался из посещаемого почти ежедневно бара и остановился у парковой ограды, чтобы закурить. К нему подошла девушка – лет двадцати, с простым миловидным лицом, льняными волосами до плеч, в красной футболке и вытертых джинсах. Она протянула свою сигарету и выжидательно посмотрела на него. Кремер зажег спичку, девушка наклонилась, и он хорошо рассмотрел ее. Она затянулась, выпустила дым, оперлась спиной на ограду рядом с ним. Он молча разглядывал девушку, ему нравилось на нее смотреть. Внезапно она спросила:

– Вы здесь живете?

– Что значит «здесь»? – Кремер провел рукой по небритому подбородку. – В парке?

Девушка смутилась и слегка покраснела.

– Я имею в виду – вы москвич?

– Преимущественно, – под пивными парами такой ответ показался ему страшно остроумным.

– Я никого не знаю в Москве. Я только сегодня приехала, и...

– Где же вы остановились?

– Нигде пока.

– А ваши вещи?

– О... У подруги.

– Так. – Кремер глубоко затянулся «Явой». – В Москве не знаете никого, тем не менее вещи у подруги... Сказали бы хоть – «в камере хранения». Вы от них?

– От кого? – Ее удивление казалось искренним.

– От работодателей.

– Каких работодателей? – не верилось, что ее круглые глаза можно сделать еще круглее, но ей это удалось.

Кремер вздохнул:

– Ну, выкладывайте, что ли, или я пошел.

Девушка опустила глаза.

– Простите меня, – еле слышно выдохнула она. – Я не решилась сказать... То есть так не принято, ведь правда?

– Как?

– Понимаете, вы... Понравились мне. Вот я и решила с вами познакомиться, а как начать – не знала. И я придумала это... Ну, что я приезжая и все такое.

Кремер покосился на нее недоверчиво. Не то чтобы он не нравился женщинам – скорее, наоборот, но на улице с ним знакомились впервые. Он колебался. Возможно, все-таки они подослали ее. Но если так, с какой целью? Чтобы это узнать, нужно поддержать знакомство... И быть настороже. «После этого» не обязательно означает «вследствие этого», но...

– Меня зовут Андрей, – сказал он.

– Анжела. – Она протянула узкую ладошку, которую он осторожно сжал.

– Где же мы с вами увидимся?

– А мы уже увиделись, – улыбнулась девушка. – И вообще, я вас давно заметила. Я живу вон там. – Она указала на дом в конце квартала. – А вы ходите в бар пить пиво. Видите, я все про вас знаю.

– М-да, практически все... Ладно, вот что. Давайте я провожу вас домой, а вечером приходите ко мне, идет?

– Так вот, сразу?

– Ну, не хотите сразу, потянем месяца два. Я буду писать вам нежные письма.

Она засмеялась:

– Опасный вы человек, Андрей. Интересно, кто вы по профессии?

– Шпион. Правда, в отставке.

– Я почему-то сразу так и подумала. Ну, пошли, шпион?

У подъезда Кремер сообщил Анжеле свой адрес, и они договорились, что он будет ждать ее в восемь часов.

– Плюс-минус пятнадцать минут. – Девушка послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью. Кремер выждал немного и вошел за ней. Подъезд был проходной, но само по себе это еще ни о чем не говорило.

Смахивая влажной тряпкой пыль в углах комнаты, Кремер не переставал думать об Анжеле. Нет, это едва ли совпа-

дения – вчерашний визит «работодателя», сегодняшнее первое в жизни уличное знакомство Кремера, проходной подъезд. Ответ напрашивался, и разумное решение в сложившейся ситуации было только одно. То, которое и принял Кремер, – пригласить ее к себе.

Он включил телевизор, начинался футбол. Звонок в дверь прозвучал без пяти восемь, как раз после первого гола.

Анжела была в желтом платице, которое очень шло к ее льняным волосам. Скромная квартира произвела на нее удручающее впечатление, которое она и не пыталась скрыть.

– Хило живут шпионы в отставке, – заметила она, разочарованно осматриваясь. – Я думала, вам полагается персональная пенсия и все такое.

– То, что мне полагалось, я получил, – сказал Кремер.

– Нет, ну а правда, где вы работаете?

– Да нигде, – ответил он. – Я пьяница и разгильдяй. Посидите пока здесь. – Он указал на кресло. – Журналы полистайте... Или вот футбол посмотрите. Футбол любите? Я пойду приготовлю что-нибудь закусить. А вообще, – продолжал он уже из кухни, повысив голос, – давай на «ты», без церемоний, о'кей?

– О'кей, – донесся мелодичный голосок, перекрывший взволнованное комментаторское «кто-то там проходит по правому флангу, отдает кому-то в штрафную площадку... Ай-ай-ай...»

Кремер появился с тарелкой с бутербродами и бутылкой

«Джека Даниэльса», где оставалось еще больше половины. Анжела лихо опрокинула первую рюмку и тут же налила по второй. «Споить она меня хочет, что ли, – подумал Кремер. – Ну, тут мы с тобой потягаемся».

– Выключи этот дурацкий телевизор, – попросила девушка.

Кремер потянулся к кнопке. Выпили по второй, с третьей она не спешила. Разговор шел легкий, беспредметный, пере-скакивающий то и дело с ее учебы на кино, с кино на музыку, опять на учебу и так далее. Кремер неожиданно обнаружил, что очень пьян. В его сознании закружились какие-то странные розовые призраки. Усилием воли он попытался вырваться, но розовую волну сменила черная, и он уже ничего не видел. «Отравила, – вяло и безразлично подумал он. – Когда только успела... Неужели, пока я выключал... Ай да Анжела...»

Он ухватился за край скатерти, тяжело рухнул на пол, увлекая за собой все, что было на столе, и в звоне бьющегося стекла растворился его мир.

Он застонал. Все тело болело так, словно накануне он попал под машину. Боль стучала в висках чугунными молотами по стальным наковальням. Он попытался открыть глаза и не смог. Протянул руку – пальцы уперлись в холодную шероховатую поверхность. Красная пелена затягивала сюрреалистические образы чудовищных, безумных снов, где он был огромным, раскрывающимся во Вселенную черным апельсином, бесконечным повторением своей же собственной боли. Что это такое? ЛСД?

Ему все же удалось поднять веки. Что-то белое качалось, расплывалось, дрожало перед глазами. Потом призрачный абрис медленно сфокусировался в металлическую раковину. Кремер осторожно пошевелил руками и ногами. Каждое движение причиняло невыносимую боль. Смутно припомнилась тускло освещенная камера, какие-то получеловеческие, полужвериные рожи перед глазами, мелькание кулаков и ног. Его били? Его бросили в камеру к уголовникам? Он не помнил, не мог вспомнить больше ничего. Героическим усилием Кремер приподнял свинцовое тело, сел на топчане, дотянулся до крана и открыл воду, сунул голову в раковину. Холодная вода потекла за воротник рубашки. Он встряхнулся, как спаниель после купания, и чуть не заорал от боли. Теперь он видел окружающее более или менее ясно.

Кремер находился в небольшой – два на три метра – камере без окон с бетонными стенами. Здесь не было ничего, кроме топчана, раковины, табурета и голой лампочки под потолком. Он был один, «глазок» для надзирателя в серой стальной двери закрывала металлическая шторка.

Память возвращалась кадрами, фрагментами, будто прокручивался сумасшедший фильм, смонтированный вконец спятившим авангардистом. Итак, вчера он выпил рюмку виски, отравленного каким-то психотропным препаратом, и потерял сознание... Надолго? Во всяком случае, когда он открыл глаза (это вовсе не означает «пришел в себя»), за окном было уже темно. В комнате царил ужасающий разгром, как после пьяной драки. Девушка лежала ничком на диване, свет уцелевшего торшера падал на ее разорванное желтое платье, сплошь залитое кровью. В ее горле зияла рваная рана. Окровавленное орудие убийства (горлышко от разбитой бутылки из-под «Джека Даниэльса») Кремер сжимал в руке. Отбросив его, Кремер подполз к девушке, он гладил ее волосы, ее прекрасное мертвое тело. Кажется, он рыдал. Прости меня, прости. Я мог, я должен был догадаться.

Монтажный скачок в фильме памяти. Черный провал, потом резкие, настойчивые звонки и удары в дверь. Комната полна людей, некоторые из них в милицейской форме, Кремера волокут по лестнице, запихивают в автомобиль, куда-то везут. Коридоры, кабинеты, бьющий в лицо свет. Одни и те же вопросы снова и снова. Признает ли он себя виновным

в убийстве? Нет, не признает. И опять машина, коридоры, камера, гнусные ухмылки и зловонные рты полулюдей-полужверей, боль, боль... Черный провал. Конец фильма.

Холодная вода принесла облегчение. Пошатываясь, Кремер прошелся было от стены к стене – два шага туда, два обратно, – но тут же упал на топчан.

Загребел дверной засов, и в камеру вошли двое в гражданских костюмах. Того, что был постарше, Кремер видел впервые, а второго узнал бы из тысяч и тысяч.

Голдин по-хозяйски уселся на табурет и закурил. Его спутник, Алексей Маркин, остался стоять у двери. До самого конца разговора он так и не произнес ни слова.

– Плохо ваше дело, Кремер, – сказал Голдин, смачно затянувшись «Честерфильдом». – Очень плохо. Попытка изнасилования, убийство... Как же вы так, а? Ай-ай-ай.

– Дайте что-нибудь от головной боли, – попросил Кремер. Голдин словно ждал этой просьбы. Он тут же достал из кармана упаковку таблеток.

– Примите сразу три штуки. Так вот, как вы, конечно, понимаете, речь идет о более чем серьезном приговоре. И что важно – наши друзья позаботятся о том, чтобы у вас не было хорошего адвоката.

Кремер проглотил таблетки. Боль отступала, медленно пульсируя в висках.

– Учтите также и то, – лекторским тоном продолжал Голдин, – что отбывать наказание вам придется не в специаль-

ной зоне для бывших сотрудников определенных ведомств, а среди неких джентльменов, подобных тем, с которыми вы имели счастье близко подружиться сегодня ночью. Они очень любят новые знакомства с людьми с вашей статьей... Это вам ясно?

– А если я соглашусь?

– Условия остаются прежними. Пятьдесят тысяч долларов.

Кремер невесело усмехнулся:

– А как я выберусь отсюда? Устройте мне побег в духе Монте-Кристо?

– Зачем? Вы же никого не убивали, мы это знаем и можем это доказать. У нас есть заслуживающие доверия свидетели, которые подтвердят, что в момент убийства вы находились в совершенно другом месте. Вас также видели, когда вы возвращались в свою квартиру прямо перед приездом милиции – кстати, милицию вызвали ваши соседи, из-за шума. Это дает нам точное время преступления. Был, конечно, и запасной вариант, но с соседями лучше получилось... Отпечатки ваших пальцев на оружии убийства объяснить проще простого – вы выбрали его с пола, может быть, машинально. Конечно, вы неразумно себя вели, но опьянение и сильное потрясение... Кровь попала на вашу одежду, когда вы попытались помочь девушке, еще не зная, что она мертва.

– Прелестно, – сказал Кремер. – А кто же совершил убийство?

– Вчера днем в баре, будучи в нетрезвом состоянии, вы передали ключи от вашей квартиры малознакомому человеку, некоему Максиму. О нем вы, в сущности, ничего не знаете... У нас есть свидетели, которые подтвердят факт вашего разговора с Максимом и передачу ключей.

– Все-то у вас есть, – вздохнул Кремер.

– А вы как думали? Договорившись с Максимом, что он будет ждать у вас дома, вы зашли к знакомым – это другие наши свидетели, – у них задержались и еще выпили.

– Странно все это выглядит. Максим какой-то, ключи... Зачем?

– Ну, мало ли что взбредет в голову подвыпившим людям... Но это все неважно, главное – доказательства вашей невиновности. Словом, вернувшись домой, вы обнаружили открытую дверь и все остальное... Детали вы обговорите с адвокатом. Он посетит вас вскоре после нашего ухода. Это прекрасный юрист, положитесь на него полностью. – Голдин обернулся к Маркину: – Идемте, Алексей Владимирович.

Кремер вошел в гостиную отдохнувший, свежевыбритый, в ослепительно сверкающей белой рубашке и светлых брюках. За небольшим круглым столом его уже ждали Голдин и Маркин, больше на даче никого не было, если не считать охранников.

Его привезли сюда прямо из прокуратуры (большая часть пути за городом проходила с завязанными глазами). В обычных условиях проверка алиби Кремера могла занять много времени, но свидетельские показания были настолько неопровержимыми, а адвокат – так логичен и убедителен, что прокурору оставалось только развести руками. На даче Кремера ждала горячая ванна-джакузи, а также ласкающая кожу бритва «Уилкинсон», свежее белье, новая одежда... Его отменно кормили, давали какие-то восстанавливающие, стимулирующие препараты. Когда четвертого июня в 19 часов 40 минут Кремер появился в гостиной, он чувствовал себя превосходно по всем параметрам. Его тело и мозг вновь составляли идеально функционирующую, почти совершенную машину. Ну, может быть, не совсем так, как это было когда-то... Отсутствие тренировок, тяжелые нервные потрясения, пьянство – все это не могло пройти без последствий. Тем не менее сейчас Кремер пребывал в наилучшем состоянии из возможных.

Он сел к столу, закурил и выжидательно взглянул на Голдина, потом на Маркина. Голдин раскрыл папку, но пока говорил, почти не заглядывал туда.

– Вкратце ситуация такова. Двадцать шестого мая авиарейсом в Хабаровск прибыл из Москвы груз для фирмы «Восток-Дельта». Груз состоял из двадцати контейнеров...

– А содержимое? – спросил Кремер.

– В Хабаровске есть небольшая фармацевтическая компания... Нет, это не «Восток-Дельта», они только посредники... Эта компания производит реладан.

– Что это такое?

– Лекарство для диабетиков. Но один из компонентов для его изготовления производится только в Москве, в лаборатории одного-единственного института. Этот компонент и поставляется в Хабаровск по договору.

– А зачем нужны посредники, если обе фирмы располагаются в одном городе?

– Ну, я не знаю... Это уж их коммерческие дела.

– Ясно...

– В аэропорту контейнеры были перегружены в автомобиль, грузовой «фольксвагеновский» фургон, который должен был доставить их на склад фирмы. До места назначения машина не дошла. Ваша задача – отправиться в Хабаровск и разыскать груз, обратив особое внимание на контейнер под номером 16. Это все, что нас интересует. Теперь можете задавать вопросы.

Кремер кивнул:

– Значит, эти контейнеры пронумерованы? А зачем?

– Видите ли, внешне все они совершенно идентичны – металлические ящики размерами тридцать на тридцать сантиметров и высотой сорок, с ручками для переноски. И пронумерованы они именно затем, чтобы среди них можно было сразу выделить шестнадцатый. Пометить его особо значило бы обратить на него внимание, поэтому все контейнеры просто пронумеровали.

– Из этого я заключаю, что в шестнадцатом контейнере находился... Или находится вовсе не компонент для производства лекарства?

– Вы правильно рассуждаете.

– А что же?

– Содержимое особого характера.

– И я буду искать, не зная, что ищу?

– От вас требуется найти контейнер, проследить его судьбу. Остальное – наше дело.

– Так... Ну, что же... Тогда вернемся к этому компоненту реладана. Возможно, те, кто похитил груз, и понятия не имели о вашем особом содержимом, а охотились именно за компонентом. Такое может быть? Сколько он стоит?

– Довольно дорого, но ведь товар этот очень специфический, и найти покупателя...

– Гм... Хорошо. Кто встречал груз?

– Сотрудник фирмы «Восток-Дельта», он же был и води-

телем исчезнувшего фургона.

– Значит, только один человек.

– Да. Михаил Чаплыгин, тридцати четырех лет. Вот его фотография. – Голдин передал Кремеру картонный прямо-угольник. – Ночь перед прибытием груза Чаплыгин провел в гостинице «Восход», в номере 302.

– В гостинице? Он живет не в Хабаровске?

– Некоторые данные вы получите чуть позже, а вот подробности вам предстоит выяснять самому...

– Чаплыгин, как я догадываюсь, тоже исчез?

– По крайней мере, мы не имеем о нем сведений. Равно как и о директоре «Восток-Дельты» Владимире Григорьеве – вот еще одна фотография. Никто из них не давал о себе знать после двадцать шестого мая.

– Чаплыгин знал о содержимом особого контейнера?

– Только Григорьев, и вряд ли он стал бы рассказывать.

– Григорьев впервые получал груз подобного характера?

– Нет, это восьмая посылка, и до сих пор все проходило идеально.

– Так, понятно. – Кремер встал и задумчиво прошелся по комнате. – Груз исчез десять дней назад. Что бы ни находилось в этом контейнере, девяносто девять шансов из ста за то, что содержимого там уже нет, а сам контейнер валяется где-нибудь на дне Амура...

– Но вы все же постарайтесь. Когда задание будет выполнено, позвоните по этому хабаровскому телефону. – Гол-

дин передал Кремеру бумажку с номером. Тот бросил на нее быстрый взгляд, скомкал и швырнул в холодный камин. — Попросите доктора Минского. Вам ответят, что доктор Минский в отъезде. Тогда вы попросите передать доктору, где и когда он сможет найти вас. Прибудет наш человек. От него вы получите дальнейшие инструкции в зависимости от достигнутых вами результатов.

— Хорошо. Когда я отправляюсь?

— Вы вылетаете завтра утром, по документам Олега Юрсова, бизнесмена из Комсомольска-на-Амуре, который прилетал в Москву по делам.

Кремер удивился:

— Зачем по фальшивым документам?

Голдин улыбнулся и встал.

— Как говорят политики в теледебатах, я рад, что вы задали этот вопрос. Прошу вас пройти со мной.

Они вышли в другую комнату. Голдин скатал ковер на полу, открыл хорошо замаскированный люк. По винтовой лестнице они спустились в бетонный колодец метров пяти глубиной. От колодца шел также забетонированный коридор с рядами дверей по обеим сторонам. Одна из дверей была металлической, с «глазком», как в тюрьме. Голдин толкнул ее — она оказалась незапертой и открылась с противным скрежетом. За ней находилась узкая длинная камера, залитая ярким светом мощных ламп. На цементном полу лицом вверх лежал человек. Не нужно было много времени, чтобы

убедиться, что он мертв – на белой рубашке слева виднелась окровавленная дыра, след пистолетного выстрела.

– Знакомьтесь – Олег Юрасов.

Голдин отступил на шаг, любуясь произведенным эффектом.

– О господи, – пробормотал Кремер.

– Он похож на вас, не правда ли? Мы быстро его подыскали, мы умеем быть оперативными. Теперь вы понимаете, что, если вздумаете сбежать от нас или выкинуть какой-либо другой некрасивый фортель, начнутся поиски человека, убившего Олега Юрасова и сбежавшего с его документами. Не потому ли, что раньше этот человек убил Анжелу Солнцеву и боится, что в деле откроются новые обстоятельства, которые разрушат его алиби? Мир велик, Андрей Викторович. Но в нем не найдется для вас безопасного уголка.

Голдин закрыл дверь, и они вернулись в гостиную.

– Еще что-нибудь? – поинтересовался Голдин.

– Да, конечно. Мне нужна подробная информация о Чаплыгине, Григорьеве, фирме «Восток-Дельта», номер пропавшей машины... Все, чем вы располагаете.

Голдин протянул Кремеру зеленую папку.

– Здесь, Андрей Викторович, вся та информация, которой мы считаем нужным снабдить вас.

– Считаете нужным, так... – Кремер взял папку. – Снаряжение?

– Ну, тут я рискую вас разочаровать. – Голдин развел ру-

ками. – Никаких особых изысков... Мы даже не сможем дать вам оружие, в самолете вам его не провезти. Впрочем, это уже не моя сфера. Передаю вас Алексею Владимировичу.

Он вышел из гостиной. Маркин, до того сидевший молча и неподвижно, зашевелился. Он вынул из кармана пластмассовый прямоугольный флакончик и передал Кремеру. Тот нажал пружинку на крышке. На ладонь выкатился прозрачный желтоватый шарик.

– Сильнодействующее психотропное средство, – пояснил Маркин. – Время растворения в воде – три-четыре секунды, а в горячем чае или кофе растворится еще быстрее. В спиртном тоже. Ни вкуса, ни запаха. Действует через восемь-десять минут, в зависимости от индивидуальных особенностей организма.

Кремер попытался засунуть шарик во флакон, но пружина действовала лишь в одну сторону.

– Обратно не получится, – сказал Маркин. – Бросьте в камин.

– Меня вы уделали этой самой штукой?

Маркин спокойно кивнул. Следующим на свет появилось удостоверение сотрудника ФСБ на имя Игоря Журавлева.

– Этим пользуйтесь осторожно. В отличие от подлинного Олега Юрасова Игорь Журавлев – чистая фикция. Годится, только чтобы брать на пушку.

– Все? – спросил Кремер, разглядывая отлично сделанное удостоверение.

– Увы. Ну, теперь я вас покину, а вы можете спокойно изучать эту папку.

Маркин направился к двери, остановился и обернулся.

– Я хочу, чтобы вы помнили, Кремер. – Его тон стал жестким. – Один – только один! – неверный шаг, и...

– Я не забуду, – слегка поклонился Кремер. – Только вот где у меня гарантия, что я получу пятьдесят тысяч долларов, а не пулю в лоб?

– Ну... – Маркин пожал плечами. – Тут уж вам придется верить нам на слово. Зачем вас убивать? Для нас вы безопасны, а для вас, кстати, найдется еще немало интересных дел за хорошие гонорары... К взаимной выгоде. До свидания.

Телефон в хабаровской квартире Сергея Юрьевича Шведова звонил долго, настойчиво. Чертыхнувшись, полковник Шведов, начальник оперативного отдела «управления М», вытянул руку из-под одеяла и нашарил в темноте трубку.

– Слушаю, – хрипло буркнул он.

– Сергей Юрьевич? – осведомился совершенно незнакомый ему мягкий баритон.

– Да. Слушаю.

– Вы помните Андрея Кремера?

– Кто говорит?

– Неважно. И не пытайтесь засечь звонок, это предусмотрено. Я обязан предупредить вас, что Кремер затевает новое предательство. Он прибывает в Хабаровск, и я должен рассказать вам вот что...

Шведов резко сел в постели.

– Кто вы?

– Не перебивайте. Слушайте внимательно.

Голос в трубке говорил не дольше минуты, но то, что он сообщил за это краткое время, не позволило Шведову снова уснуть в эту ночь.

Стоя под мелким дождем, Кремер пристально разглядывал фасад гостиницы «Восход» на противоположной стороне улицы. Это было старое здание, построенное где-нибудь в тридцатых годах, давно нуждающееся в ремонте, но чистенькое и опрятное. Внизу ресторан, стеклянные двери центрального входа в холл гостиницы открываются в обе стороны. Кремер перешел улицу и толкнул дверь.

Внутри царил уютный полумрак, портье за стойкой дремал. Почти все кресла в холле были пусты в этот ранний час. Лишь в одном кресле у самого окна расположился светловолосый здоровяк лет тридцати. Он как будто устался в газету спортивного содержания, но больше стрелял глазами по сторонам, чем читал. Кремера он окинул каким-то слишком уж безмятежным взором и поспешно уткнулся в газету вновь.

Кремер подошел к стойке, портье поднял сонные глаза.

– Доброе утро, – сказал он.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Кремер. – Неплохая погода сегодня, вы не находите?

– О, – улыбнулся портье, – для Хабаровска вполне подходяще!

– Я ищу своего друга, – произнес Кремер, сочтя тему погоды исчерпанной, – Мишу Чаплыгина. Он бывает в вашей

гостинице. Может, он и сейчас здесь?

Здоровяк позади кашлянул и возгласил, ни к кому персонально не обращаясь:

– Подумать только! «Локомотив» опять выиграл! Вот команда, а?

– Да, – сказал портье Кремеру. – Вашего друга я знаю, он часто останавливается у нас. Но, к сожалению, сейчас его нет.

– Он уехал совсем?

– Да он, вообще-то, никогда надолго не приезжает. Он был у нас... Недели полторы назад.

Кремер изобразил огорчение:

– Какая жалость... Я тоже ненадолго... Из Комсомольска. Так надеялся повидать его.

– Но ведь вам известен его домашний адрес?

– Я еще удивлялся, – сказал Кремер неопределенно, – живет в Хабаровске, зачем ему в гостинице останавливаться?

– Так ему удобно, по работе... А почему бы и нет? Постояльцев у нас немного... Какая разница, откуда он. Не советские времена!

– Да, конечно... Беда в том, что я куда-то задевал записную книжку с Мишиным адресом и телефоном. А в Хабаровске я сто лет не был, без книжки ни за что его дом не найду. Увы, единственное, что я помню, – он говорил мне, что бывает в «Восходе», вот я и решил...

– Постараюсь помочь вам. – Портье покопался в своих

книгах, записал на бумажке адрес и протянул Кремеру. Тот бросил взгляд на бумажку. Да, тот же адрес, что был и в папке Голдина.

– Спасибо. – Кремер спрятал бумажку в карман.

– Где вы намерены остановиться в Хабаровске? – заинтересованно спросил портье.

– Еще не решил... Но раз уж я здесь, мне проще всего было бы остановиться у вас.

Портье расцвел в улыбке:

– Вы не пожалеете. «Восход» – прекрасная гостиница, несмотря на ее внешне непрезентабельный вид. У нас первоклассное обслуживание.

– И тогда почему бы мне не занять номер, который занимал Миша? Он свободен сейчас?

– О да. Пожалуйста. Номер 302 на третьем этаже. Это довольно скромный, но очень приличный номер.

– Отлично... Если вы не возражаете, я заплачу за неделю вперед. Видите ли, я приехал по делам, так что не исключено, что придется внезапно уехать и будет некогда возиться со счетом.

– Разумеется. Как вам будет угодно. Сумма за неиспользованные дни будет переведена по указанному вами адресу. Вот книга. Пожалуйста, заполните эту графу и распишитесь.

Любитель спорта сложил газету, встал, поднялся по лестнице и исчез из вида. Кремер заплатил за номер, добавив щедрые чаевые для портье, и получил ключ. Когда он шел к

лестнице, портье окликнул его.

– А ваш багаж, господин Юрасов!

С сердечной улыбкой Кремер приподнял небольшой пластмассовый кейс.

– Только это. Путь недалгий...

Он стал подниматься по лестнице. Когда он миновал второй пролет, словно вихрь пронесся ему навстречу. Перед его глазами мелькнуло что-то большое, продолговатое, и в следующее мгновение он получил сильнейший удар, от которого отлетел метра на два и скатился по лестнице. Кейс полетел в другую сторону. Ничего себе, хорошее начало...

Чьи-то крепкие руки обхватили Кремера, подняли и поставили на ноги. Он узнал блондина из нижнего холла. Тот смотрел на Кремера в крайнем смущении, пытаясь отряхнуть его костюм, потом бросился за кейсом. При этом он беспрестанно бормотал:

– Простите, пожалуйста, простите... Вечно со мной приключается такое... Всегда несусь как сумасшедший, и вот... Налетел на вас... Надеюсь, с вами все в порядке?

Наверх он поднимался нормальным шагом, как заметил Кремер в зеркале, но, возможно, он несется как сумасшедший, только спускаясь вниз.

– Ничего, все в порядке, – сказал Кремер. – Со всеми бывает.

Он сделал шаг, намереваясь продолжить свой путь. На лице блондина отразился ужас.

– Но ведь вы не уйдете просто так! Я виноват перед вами! Позвольте мне хотя бы угостить вас выпивкой. У меня припасена бутылочка отменного коньяка.

– Но вы вроде куда-то спешили?

– А, пустяки! – Блондин махнул рукой. – В каком номере вы остановились?

– В триста втором.

– Да? Это замечательно! Мы соседи. Я живу прямо напротив вас, в триста первом. Так вы пока идите располагайтесь, а я к вам через полчаса с бутылочкой, о'кей?

– Не рановато ли для бутылочки? – произнес Кремер, когда они бок о бок поднимались на третий этаж.

– Предрассудки! Ну так что?

– Принимается. Жду вас...

– Ах да! – Блондин хлопнул себя рукой по лбу и сунул Кремеру широченную ладонь. – Иван Медников, к вашим услугам!

– Олег Юрасов.

– Рад знакомству, Олег! – Сила его рукопожатия сделала бы честь любым тискам. – Так я через полчаса.

Он исчез за дверью номера 301. Кремер вставил ключ в замок двери своей комнаты и вошел.

Номер 302 был обычным номером гостиницы средней руки. Маленькая прихожая, маленькая ванная. Ковер, кровать у окна, кресло, стул, письменный стол, телефон, телевизор. Больше ничего.

Бросив кейс на кровать, Кремер снял пиджак и занялся осмотром комнаты. Почти сразу он нашел серую коробочку, прилепленную пластырем в углублении задней стенки телевизора. Кремер отлепил пластырь и принялся изучать находку. Самодельное подслушивающее устройство, довольно громоздкое и грубовато сработанное. Профессионал таким едва ли воспользовался бы, к тому же плохо спрятано. Кого подслушивали – Чаплыгина? Тогда хватало времени убрать эту штуку. Нет, кому-то очень интересно, что и сейчас происходит в номере 302...

Кремер прилепил коробочку на прежнее место и продолжил обыск. Больше ничего интересного обнаружить не удалось, если не считать окурка от сигареты «Астор», закатившегося в щель между полом и плинтусом. Курил ли Михаил Чаплыгин? И если да, какую марку предпочитал?

В дверь постучали, Кремер открыл. Вошел Иван Медников с бутылкой «Мартеля» в правой руке и бокалами в левой.

– Надеюсь, Олег, вы простили меня окончательно, – сказал он, усаживаясь в кресло и разливая коньяк. – Давайте выпьем и забудем эту дурацкую историю.

– Уже забыто, – ответил Кремер.

Медников опрокинул свой бокал залпом и тут же налил еще. Кремер только слегка пригубил и поставил бокал на стол. Полез в карман за сигаретами, наткнулся на полную пачку и сунул руку в другой карман. Ага, вот в этой пачке осталась только одна.

– Какая досада, – произнес Кремер, вытаскивая смятую пачку. – Последняя сигарета...

Медников тут же достал початую пачку «Астора».

– Пустяки, старина. Курите, не стесняйтесь.

Они задымили. «„Астор“, ну и что, – подумал Кремер. – Окурок мог оставить сам Чаплыгин и любой из постояльцев до и после него. Горничные убираются в номерах, но этот окурок можно было найти, только если что-то искать. Но он не выглядел старым...»

– Вы надолго в Хабаровск, Олег? – Голос Медникова вывел Кремера из задумчивости.

– Пока не знаю. Я здесь по делам... Не исключено, что уеду завтра утром.

– Какая жалость! – Медников рассмеялся. – Всегда так. Стоит познакомиться с приличным человеком, как он тут же куда-то исчезает... Э, да вы совсем не пьете, старина. – Он опрокинул второй бокал. – Вроде ищете какого-то друга, а?

– Да, Мишу Чаплыгина. – Кремер отпил из своего бокала. – Да вы, наверное, видели его. Может быть, даже с ним разговаривали. Недели полторы назад он жил в этом номере.

– Полторы недели? А, нет. Я только позавчера приехал из Самарской губернии. Вы там бывали?

Кремер виновато улыбнулся:

– Не пришлось.

– Жаль. Если вы не бывали на моей родине, вы не бывали нигде. Новореченск – слышали, наверное? Нефтяная столи-

ца! Я нефтяник... Будете, так непременно заезжайте ко мне. Просто спросите Ивана Медникова – меня там все знают. Ну, обещаете?

– Обещаю.

Медников раздавил сигарету в пепельнице.

– Простите меня, старина. – Он поднялся. – У меня тут тоже кое-какие делишки. Может, загляну к вам вечером. Бутылку дарю вам. – Видя, что Кремер собирается возразить, он протестующе поднял обе руки. – Нет, нет! Я виноват перед вами, так хоть это примите.

На прощание Медников стиснул руку Кремера и исчез.

Кремер вынул найденный окурок и положил его рядом с окурком Медникова. Они были похожи, как близнецы. «Если вы не бывали на моей родине, вы не бывали нигде...» Был ли «на родине» сам Иван Медников? В бытность сотрудником ФСБ Кремеру довелось руководить в Самарской губернии сложной операцией, для которой пристальное изучение места действия было просто необходимо. Нет там города Новореченска, а «нефтяная столица» называется Новокуйбышевск. Подзабыл нефтяник название родного города...

Надев пиджак, Кремер спустился в холл и подошел к портье.

– Скажите, вот Иван Медников... Мы сейчас познакомились... Он давно здесь живет?

– Да не очень давно... Подождите, я уточню. – Он заглянул в книгу, видимо, воспоминание о чаевых Кремера дей-

ствовало. — Он приехал двадцать пятого мая.

Двадцать пятого. За день до исчезновения фургона, а не позавчера. Да, Иван Медников — во всех отношениях интересная личность.

— Ах, вот что... А я не мог отделаться от мысли, что недавно видел его в Комсомольске... Что ж, значит, это был не он. У вас есть скотч и ножницы?

— Скотч?

— Клейкая лента.

— У меня нет. Вон киоск, может, там есть.

— Спасибо.

Кремер приобрел в киоске рулончик прозрачной клейкой ленты, сувенирные дамские ножнички, телефонную карточку и возвратился к двери своего номера. Наверху, поперек зазора между дверью и косяком, незаметными квадратиками скотча он приклеил волос. Потом он вышел из гостиницы, подошел к уличному телефону и набрал домашний номер Чаплыгина. Ответил усталый женский голос.

— Слушаю.

— Михаила Чаплыгина, пожалуйста.

— Ах, Михаила Чаплыгина... Подите вы к черту.

Кремер опешил.

— Извините...

— Нету этого разгильдяя, нету! Больше недели болтается неизвестно где! Сами его ищите, если вам приспичило! Дружки...

Кремер повесил трубку. Очевидно, длительные отлучки из дома были привычкой Чаплыгина, иначе его родные давно встревожились бы.

По жесту Кремера к тротуару подъехало такси.

– Улица Аминева, склад фирмы «Восток-Дельта», знаете?

– Это вроде та фирма, где директор пропал?

– Директор пропал? – Кремер уселся в машину.

– Да, Григорьев, что ли... В газетах писали, – словоохотливо разъяснил водитель. – Читать читал, а возить туда никого не доводилось. Ну, ничего! Поехали, разыщем ваш склад. А вы, часом, не из милиции?

– Ездил бы я тогда на такси... Нет, этот склад для меня – просто ориентир, там недалеко живет мой знакомый. Директор, говорите, пропал? Интересно... Может, мой знакомый его знал, все-таки соседи... Когда же он пропал?

– Это уж я не забуду. Двадцать шестого мая, день рождения жены...

Такси долго ползло по запутанным лабиринтам хабаровских окраин и наконец остановилось на извилистой мрачной улице. По одной ее стороне сплошь тянулись унылые ряды кирпичных и алюминиевых складских ангаров. Кремер неторопливо шел вдоль хмурых фасадов, разглядывая вывески: «Восток-Дельта», «Золотые ворота», «Темников», «Анкор-транзит»...

Склад фирмы «Восток-Дельта» – место назначения исчезнувшего фургона – внешне ничем не отличался от осталь-

ных. Он был таким же угрюмым и запыленным. Вход прятался за бетонным забором. Этот забор с несколькими закрытыми воротами отгораживал не только «Дельту», он тянулся мимо «Золотых ворот» и заканчивался ржавыми решетками, примыкающими к складу «Темников». Забор был не только высоким, но и не менее полуметра толщиной. По верху, по всей его длине, была уложена внушительная спираль из колючей проволоки.

В сущности, Кремеру сейчас нечего было здесь делать, он хотел только осмотреться. Он вернулся в центр на другом такси и разыскал интернет-кафе. Там он сделал несколько различных запросов на ссылки, могущие иметь отношение к Чаплыгину, Григорьеву и событиям в фирме «Восток-Дельта».

В прессе сообщалось, в общем-то, немного. Директор «Дельты» Владимир Григорьев, сорока двух лет, двадцать шестого мая покинул свою контору, чтобы заехать на склад. Он должен был вскоре вернуться, но больше его никто не видел и никто о нем ничего не слышал. Фирма «Восток-Дельта» занималась посредническими операциями по закупкам различного сырья в России и странах СНГ. Деятельность ее как будто проходила в рамках закона, хотя некая желтая газетенка намекала на связи исчезнувшего директора с какими-то таинственными, чуть ли не мафиозными группировками. Но ни единого факта в подтверждение не приводилось. Возможно, это было сделано просто с целью поэффектнее

подать материал. Исчезновение фургона и имя Михаила Чаплыгина не упоминались. Не исключено, что об этом вообще не было известно. Пожалуй, если бы газеты писали о Чаплыгине, та женщина, что ответила по его домашнему телефону (жена, мать, сестра?), была бы настроена иначе. А так, кто знает, какие у них там взаимоотношения. Может быть, Чаплыгин и совсем не говорил дома, что работает у Григорьева.

Кремер вернулся в гостиницу, наскоро перекусил в ресторане и купил в киоске линейку из твердого пластика. Потом он поднялся на третий этаж и постучал в дверь номера 301. Молчание. Тогда он достал из кармана линейку, отжал замок и вошел.

В чемодане Медникова ничего интересного не нашлось. Смена белья, пара детективных книжек в дешевых бумажных обложках, электробритва – стандартный набор. Так, стоп. Электробритва. Кремер осматривал ее со всех сторон, нажимал все кнопки и рычажки – бритва как бритва. Кремер отсоединил шнур от корпуса. Ага, есть. Маленький блестящий штырек между контактами. Кремер надавил на него, корпус распался на две половины. Вот оно – приемное устройство для того самодельного передатчика, который Кремер обнаружил в своем номере. Он захлопнул корпус бритвы, присоединил шнур на место и осторожно выложил содержимое чемодана на кровать. Взвесил чемодан в руке – тяжелее, чем должен быть. Он ощупал стенки чемодана изнутри, не пропуская ни одной заклепки. Ничего. Значит,

снаружи. Так и есть – после нескольких поворотов одного из замков щелкнула пружина и откинулась крышка второго дна.

Пистолет с глушителем. Да, все интереснее становится узнавать новости об Иване Медникове... Кремер взял пистолет. «Астра Кадикс» 32-го калибра. Не слишком солидное оружие, но, если стрелять метров с двух, ухлопаешь жертву наверняка. А Кремер подозревал, что Иван Медников собирается вести огонь с еще меньшего расстояния.

Вернув пистолет на место, Кремер закрыл второе дно и переложил вещи обратно в чемодан, стараясь не перепутать порядок. Потом он заглянул в шкаф – там висел пиджак, в карманах нашлись зажигалка, пачка сигарет «Астор», носовой платок, немного денег. На полке над вешалкой Кремер увидел початый блок «Астора». Он внимательно оглядел его и заметил на самом краю, у надорванного угла, еле видные написанные карандашом цифры, разделенные дефисами – так обычно записывают телефонные номера. Кем бы ни был Медников, он не был профессионалом. Профессионалы не записывают телефонов, которые нужно скрывать, даже бледными крохотными цифрами (а если скрывать не нужно, почему не записать четко и ясно?). Не говоря уже о том, что профессионалы не оставляют окурков в чужих гостиничных номерах и не устанавливают самодельных подслушивающих устройств.

Кремер вышел в коридор, остановился у двери в свой но-

мер. Волос был на месте. Само по себе это ничего не означало – профессионал снял бы его, а потом приклеил снова. Но если кто-то и побывал в отсутствие Кремера в номере 302, то уж никак не Медников.

Беглый осмотр комнаты подтвердил это заключение. Кремер выпил полбокала «Мартеля» и закурил. Теперь нужно поспать часа два и куда-нибудь уйти. За ним не следили, когда он ездил на склад, но нельзя исключать никаких вариантов.

Через два с половиной часа Кремер вновь покинул гостиницу и отправился в кинотеатр. Купил билет, оставшийся час до сеанса слонялся по улицам. Слежки не было, в этом он был уверен.

Когда Кремер вернулся из гостиничного ресторана, его ожидал сюрприз. Положение волоса изменилось. Верхний край был все так же приклеен, но нижний загибался внутрь. Кремер подошел к двери комнаты Медникова и прислушался. Доносился шум воды и какое-то шлепанье – очевидно, Медников принимал душ. Кремер вошел в свою комнату, заглянул в гостиничную карточку с телефонами и набрал номер портье.

– Говорит Юрасов, из триста второго. В мой номер заходил кто-нибудь? Горничная, например?

– Нет, вы же только что приехали... Что-нибудь не так?

– Не могу найти полотенце. Я подумал, что горничная... А, вот же оно! Сам сюда положил. Извините. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Горничная не заходила... Заходил, по всей вероятности, Медников. Но зачем? Искал что-то? Возможно. Коль скоро он установил в номере подслушивающее устройство, ему небезразлично, что здесь происходит. Но учитывая пистолет с глушителем, логичнее предположить, что это была последняя ориентировка на местности. Медникову важно было знать, не переставил ли что-нибудь постоялец триста второго, не мешает ли что-то бесшумно проникнуть сюда ночью, в темноте. А такая ориентировка имеет смысл только

непосредственно перед вылазкой...

Кремер закрыл дверь на ключ. В его планы не входило препятствовать проникновению Медникова в номер, но и слишком облегчать задачу он тоже не хотел, чтобы не насторожить противника. Он свернул одеяло в тугий валик на кровати, пристроил с одной стороны подушку, накрыл это сооружение простыней и погасил свет. Трюк старый как мир, но его эффективность еще никем не была оспорена.

С улицы пробивался сквозь занавески тусклый свет одинокого фонаря – слишком тусклый, чтобы разглядеть какие-либо подробности, и достаточно яркий, чтобы обозначить контуры чучела на кровати. Как раз то, что требуется.

Поставив стул в нише у двери, Кремер сел и стал ждать. Несколько раз он вставал и не нарушая тишины разминался, чтобы снять боль в напряженной спине.

Около трех часов ночи послышалось какое-то царапанье. С масляным, почти беззвучным щелчком в замок вошла отмычка или дубликат ключа... Дверь медленно начала раскрываться все шире, но свет из коридора не просачивался – предусмотрительно выключен. Кремер стоял, весь как сжатая пружина.

В комнату проскользнула темная фигура, и сразу раздались один за другим три негромких хлопка. Убийца не тратил времени зря. Кремер был уже мертв.

Медников слегка подался вперед и наклонился, чтобы проверить, действительно ли с Кремером все кончено. В этот

момент Кремер шагнул к нему и обрушил на его шею сверхмощный удар, какой мог бы свалить средней величины быка. Иван Медников рухнул на пол с грохотом, как мешок, набитый щебенкой. Кремер захлопнул дверь и включил свет.

Со стороны могло показаться, что Медников спит богатырским сном. Допрос, увы, исключался. Кремер привязал Медникова к стулу (с такой тяжелой тушей пришлось повозиться!), взял пистолет, отвинтил глушитель и сунул оружие в карман. Глушитель он положил на стол, взял телефонную трубку и набрал тот номер, что был записан у Медникова на блоке «Астора». Если у них есть определитель номера, тем лучше – звонок и должен исходить из этого гостиничного номера.

Несмотря на поздний час, ответили после первого же гудка.

– Слушаю.

Низкий женский голос, с легкой хрипотцой... Приятный голос. Что ж, надо постараться познакомиться с его обладательницей. Но как представиться? «Иван» или «Медников»? А может, у них и какие-то свои пароли или условные имена... Кто знает! Надо на что-то решаться.

– Медников, – сказал Кремер полужадушенным замогильным голосом. Подражать нормальному голосу Медникова он все равно не сумел бы, так пусть получится Медников, которого слегка придушили.

– Ты достал его?

Ага. С вами говорят с того света.

– Нет. Сорвалось.

– Что случилось? Почему у тебя такой голос?

– Он чуть не задушил меня. – Кремер выжал из своей глотки все хрипы и стоны, на какие она была способна. – Он ушел... Нам необходимо встретиться.

– Как... Сейчас?

– Да, немедленно. Прямо здесь, у «Восхода»... Нет, лучше на углу, где магазин. Я выйду навстречу.

Кремер положил трубку прежде, чем собеседник на том конце провода успел что-нибудь ответить. Судя по тону, каким женщина спрашивала, в их отношениях подчиненным был именно Медников, и вряд ли он имел право вызывать ее на ночное randevu. Тем не менее она приедет. Не может не приехать...

Погасив свет в комнате, Кремер вышел, запер дверь, спустился в холл, пересек улицу и укрылся в подворотне у магазина. Машин на улице почти не было. Чуть поодаль стояли синяя «Лада» и выдавший виды «Форд», но они стояли здесь и днем.

Шум мотора слышался минут через двадцать. У поворота затормозил белый микроавтобус «Газель». За рулем сидела женщина, кроме нее, Кремер никого не видел в машине в свете фонарей. Она вышла на тротуар – невысокая, хрупкая, темноволосая. Кремер не мог хорошо рассмотреть ее, но сейчас ему этого и не требовалось. Она нервно огляделась, подождала немного, прошлась взад-вперед и направилась к гостинице, а Кремер, скрываясь в тени домов, прокрался к «Газели». И верно, микроавтобус был пуст. Возле машины Кремер оглянулся. Женщина стояла у подъезда, растерянно озираясь, словно в нерешительности, потом вошла в гостиницу.

Кремер быстро открыл дверцу, сел за руль и устроил блиц-обыск. Он нашел только водительские права на имя Ольги Смоленковой. Кажется, на фотографии именно она, хотя и трудно судить при таком освещении. Но по логике вещей это ее права, а вот имя не обязательно настоящее. Ну, будем пока называть ее так. Кремер вышел, открыл дверцу для пассажиров и спрятался в салоне, за спинкой сиденья.

Стук каблучков по асфальту... Запущен двигатель...

Ольга Смоленкова гнала машину так, словно ее целью было непременно закончить поездку прямо в объятиях патрульного инспектора. Встреча с таковым в планы Кремера не

входила, но не мог же он крикнуть: «Сбавьте, пожалуйста, скорость, а то тут у вас очень уж трясет».

Тормоза жалобно завизжали. Кремер слышал, как с лязгом открываются какие-то ворота. Потом «Газель» снова двинулась и остановилась. Хлопнула дверца. Ворота закрылись. Кремер подождал, осторожно выглянул в окно, вышел и осмотрелся.

Он находился в саду, вернее – в небольшом парке, освещенном двумя фонарями перед крыльцом двухэтажного дома. Свет горел только в одном окне первого этажа. Стараясь ступать как можно тише, пригнувшись, Кремер подобрался к этому окну и заглянул внутрь.

Ольга Смоленкова сидела на кушетке спиной к окну и разговаривала по телефону. Ее реплики доносились до Кремера через открытую форточку.

– Нет, не знаю... Да, на «Газели»... Он не вышел ко мне, а в номере как будто никого нет... Если только он... В гостиницу? А что было делать? Я не знаю! – Она умолкла и долго прислушивалась к монотонному ворчанию в трубке, из которого Кремер не мог разобрать ни слова. – Да, разумеется. Конечно, одна, кому же здесь быть... Я буду у вас, когда вы скажете. В семь утра? Хорошо, в семь.

Она положила трубку. Кремер отошел от окна. Он решил, что настала пора предстать перед Ольгой Смоленковой.

Она вышла на крыльцо, села в машину и дала звуковой сигнал. Автоматически открылся гараж, там вспыхнул свет.

«Газель» вползла в освещенное помещение, где стояла еще «девятка» цвета мокрого асфальта. Теперь Кремеру надлежало действовать быстро.

Он вытащил из кармана линейку, которую использовал в качестве отмычки в гостинице, и сломал ее пополам, наискосок. Она лопнула с сухим щелчком. Острым краем обломка Кремер разодрал левый рукав пиджака и рукав рубашки, потом вонзил обломок в предплечье и дернул вниз, скривившись от боли. Рана получилась неглубокая, но крови должно быть много. Кремер подбежал к крыльцу и лег на ступеньки у двери. Как оказалось, вовремя – женщина возвращалась из гаража.

При свете фонарей она отчетливо увидит лицо Кремера. Если она встречалась с Медниковым днем и он показал ей Кремера... А в том, что они не знали его в лицо раньше, он не сомневался. В холле гостиницы Медников среагировал только на разговор с портье о Чаплыгине. Они ждали не Кремера, то есть не конкретно его. Они ждали того или тех, кто станет интересоваться Михаилом Чаплыгиным. Конечно, после исчезновения Григорьева Чаплыгиным могла интересоваться и милиция... Но как бы они этот вопрос ни решали, вовсе не милицейского сыщика ждал Медников в гостинице. Убивать сыщика нет никакого смысла – ни один, так другие, станет только хуже. Нет, недаром так стремился Медников познакомиться с новым постояльцем номера триста два.

Женщина вскрикнула и отступила на шаг. Испуг, но... не узнала.

– Не бойтесь. – Кремер старался вложить в свой голос побольше мужественной печали и в то же время задыхался так, словно долго бежал. – Не бойтесь, я не причиню вам зла. За мной гналась какая-то шпана, я ранен... Сюда они не войдут, они меня потеряли...

Ольга Смоленкова враждебно смотрела на него.

– А как вы попали сюда? Ворота закрыты.

– Пришлось через забор!

– Это частная собственность. Уходите.

Кремер застонал и схватился за раненую руку.

– Прекрасно, – язвительно произнес он. – Интересно, что скажет милиция, когда узнает, что в вашем частном владении отказали в помощи истекающему кровью человеку.

Это была не слишком удачная импровизация, но она сработала. Упоминание о милиции, похоже, испугало женщину еще больше, чем появление незнакомца. Она казалась совершенно растерянной.

– Милиция? Зачем милиция, милиции не надо... Вы можете подняться?

– Постараюсь. – Кремер оперся правой рукой на ступеньку. – Да помогите же! Когда прыгал через забор, вдобавок и ногу подвернул, вот не везет... Если бы я хотел на вас напасть, уже тысячу раз успел бы это сделать!

Аргумент, видимо, убедил ее. Все еще с опаской она по-

могла Кремеру подняться, открыла дверь и провела его в дом, где он впервые хорошо ее рассмотрел.

Ее нельзя было назвать красивой в классическом смысле слова. Это лицо не было лицом с обложки журнала «Вог», но оно привлекало и волновало. Мимо такой женщины не пройти спокойно. Вовсе не обязательно она понравится, но заденет и заставит думать о ней. Что-то неуловимо восточное было в ее лице. Темные волосы до плеч, смугловатая кожа. Большие карие глаза, чувственные крылья носа, прекрасной формы полногубый рот, белые, немного неровные зубы. Возраст? Трудно определить. Она принадлежала к тому типу женщин, которым после тридцати каждый год исполняется тридцать.

Такой увидел Кремер Ольгу Смоленкову – женщину, которая была замешана в попытке его убить.

– О! – воскликнула она, отступая на шаг. – Вы весь в крови.

Кремер посмотрел на разодранный рукав. Да, это выглядело убедительно.

– Идемте, я перевяжу вас...

Это предложение могло означать только одно: незачем вызывать «Скорую помощь» и вмешивать посторонних людей.

Они пересекли (Кремер изрядно прихрамывал) просторный холл, пыльный и заваленный всякого рода хламом, и вошли в маленькую комнату, имевшую более жилой вид. Кремер повалился в первое попавшееся кресло. Ольга Смолен-

кова принесла аптечку, довольно быстро и профессионально продезинфицировала рану и сделала перевязку.

– Я работала раньше медсестрой, – пояснила она, встретив немного удивленный взгляд Кремера. – В сущности, ваша рана – пустяки.

– Да... Немного задела ножом.

– Теперь ногу посмотрим... Ничего... Может быть, небольшое растяжение.

– Я больше вымотался. Проклятое хулиганье!

– Вообще-то, у нас спокойный район, – с внезапным подозрением сказала женщина.

– Дурацкий случай... Пожалуй, даже в милицию сообщать не буду... Просто счастье, что я наткнулся на вас. Вы не беспокойтесь, я отдохну немного и пойду.

Она явно обрадовалась этим словам. Возиться с Кремером ей совсем не улыбалось.

– Как же вы дойдете?

– Мне недалеко, дойду...

– Выпьете чего-нибудь для подкрепления сил?

– Благодарю, с удовольствием.

– Водка, коньяк?

– Коньяк.

Она вышла из комнаты. Ее не было минуту, две. Пять минут. Восемь. Кремер прошел в холл, там было пусто и тихо. Прикинув, где может находиться кухня, он миновал короткий коридорчик и замер у приоткрытой двери. До его слуха

донеслись какие-то странные звуки. Постепенно он различил всхлипы, сдавленные рыдания. Ольга Смоленкова плакала, горько и безутешно.

Кремер бесшумно вернулся в комнату, достал пластмассовый флакончик и выкатил на ладонь прозрачную капсулу. Флакончик он спрятал обратно в карман, а капсулу раздавил пальцами так, что из нее вытекла большая часть содержимого. Ему не требовалось надолго выключать Ольгу Смоленкову. Достаточно будет, если она спокойно поспит часа два, пока Кремер будет обыскивать дом.

Она вернулась с бутылкой коньяка, тут же погасила верхний свет и зажгла настольную лампу. Смысл маневра был ясен, но Кремер и без того не собирался фиксировать внимание на ее покрасневших глазах и припухших веках.

– Я думал, вы там уснули, – сказал он с улыбкой.

– Бутылка куда-то задевалась. Перерыла всю кухню. – Она достала из шкафчика две рюмки, очень изящные, наверняка весьма дорогие, и разлила коньяк. – За знакомство...

– Простите, я не представился. Меня зовут Артур.

– Ирина.

Ну что ж, один-один.

Они выпили. Ольга поморщилась – скорее всего, просто не привыкла к алкоголю. Она никак не могла различить в коньяке привкус этого дьявольского психокиллера, ведь не было у него привкуса.

– Чем вы занимаетесь, Артур? Не подумайте, что я слыш-

ком любопытна, но надо же о чем-то говорить.

– О, никакого секрета. То тем, то этим. Немножко торговал, потом стал спортивным менеджером, а теперь... Да вы не слушаете меня.

– Простите, Артур, что-то... – Она попыталась приподняться, растерянно улыбнулась и повалилась на стол лицом вниз, успев, правда, подставить руку. Кремер осторожно перенес женщину на кровать. Эта штука подействовала значительно быстрее, чем он ожидал, хотя ему что-то говорили про индивидуальные особенности организма.

Очень трудно в одиночку обыскивать большой дом, особенно если совершенно не представляешь, что ты, собственно, рассчитываешь найти. В комнате Кремер не обнаружил ничего интересного и перебрался в холл, потом в другие помещения первого этажа. Все они производили впечатление запущенности и заброшенности, словно здесь никто не жил, точнее, жили только от случая к случаю.

Кремер обшаривал ящики шкафов, столов, секретеров и находил только пыль, хлам да сердитых торопливых пауков. Нигде не было ни записных книжек, ни каких-либо документов. По скрипучей лестнице Кремер поднялся на второй этаж, который представлял собой просторную мансарду с огромной кроватью в центре и ковром на полу. Очевидно, это была супружеская спальня, но к кровати никто не прикасался по меньшей мере месяц, судя по слою пыли на покрывале. На стене висела застекленная фотография в рамке: Ольга Смоленкова в обнимку с высоким черноусым мужчиной, похожим на актера Берта Рейнольдса, оба веселые, счастливые, сверкающие белозубыми улыбками. Что-то в этой фотографии привлекло внимание Кремера. Он всмотрелся и понял: под разными углами ее пересекали едва заметные неровные линии. Когда-то фотография была разорвана на несколько частей, а потом тщательно и аккуратно

склеена.

В нижнем отделении шкафа, возле окна, Кремер обнаружил нечто весьма примечательное. Сначала он подумал, что это просто старая тряпка, но когда достал и развернул находку, увидел изодранное, измочаленное на спине платье, покрытое высохшими бурыми пятнами. «Черт возьми, – подумал он, – все это начинает напоминать дом с привидениями...» Он запихнул платье на прежнее место и вернулся к спящей Ольге Смоленковой. Перевернул ее, расстегнул «молнию» и обнажил плечи и верх спины. Отчетливо виднелись давно зажившие, затянувшиеся и все же ясно различимые рубцы, какие бывают от ударов плетью. Жестоких, страшных ударов.

Он осторожно застегнул «молнию», перевернул женщину на спину и укрыл ее пледом. В конце концов, драмы этого дома могли не иметь никакого отношения к проблемам Кремера, но как знать? Почему она плакала на кухне? Плакала навзрыд, забыв о постороннем человеке, который мог войти в любую минуту?

Последним объектом поисков был гараж – с тем же, то есть нулевым, результатом. Кремер потратил на свои изыскания два с половиной часа и не нашел, в сущности, ничего. Такой разочаровывающий итог не стоил затраченных усилий, но дело было даже не в этом, а в смутном, но явственном ощущении, что он упустил нечто важное. Нечто такое, чего никак не должен был упустить.

Он еще раз обошел весь дом сверху донизу. Внезапного появления на сцене новых персонажей спектакля он не слишком опасался. Тот, кому звонила Ольга Смоленкова, ждал ее в семь часов утра и, следовательно, сюда не торопился. Конечно, мало ли что... Кремер оставался настороже.

Повторный осмотр дал ровно столько же, сколько и первый. Усталый и разочарованный, Кремер сел на стул в холле и закурил. Что-то не сходилось... Внезапно он понял. Такой дом вряд ли мог не иметь никакого подсобного помещения. Чердак исключался из-за мансарды. Значит, здесь должен быть подвал.

Он снова обошел все комнаты первого этажа, скатывал все ковры, передвигал мебель, простукивал и прощупывал пол, но нигде не нашел ни малейшего намека на вход в подвал.

Ну а гараж? Любопытно, почему она сразу поставила машину в гараж, хотя «район спокойный», ворота заперты, а к семи ей уже выезжать... Правда, выехать она могла и на «девятке», а то и пойти пешком, если близко... Но все-таки... Может быть, это и просто привычка, а может быть, есть причина. Пусть даже подсознательная. Скрыть, загородить машиной что-то, возможно, от своей памяти, от самой себя...

Кремер вернулся в гараж, вывел «Газель» во двор (ключ зажигания торчал в замке). Пол гаража состоял из плотно пригнанных бетонных плит. В стыки между ними набились мелкий мусор и грязь. Нет, ни одна плита здесь не поднима-

лась с тех пор, как их уложили строители... Ни одна?

По краям боковой плиты тоже была грязь – но какая-то слишком уж декоративная, словно ее специально вмазывали в стыки мастерком. Кремер нажал на один край плиты, потом на другой... А что это за два круглых, симметричных пятна грязи на соседней плите? Своим универсальным обломком линейки он принялся выковыривать грязь из углублений. Обнажились граненые шляпки больших, наклонно установленных болтов, поблескивающие сравнительно свежими царапинами. Кремер взял с верстака разводной ключ, открутил и выдернул сначала один болт, потом другой. Монтировочным ломиком он поднял плиту. Металлическая лестница под ней уходила в темный колодец. Кремер огляделся по сторонам, отыскивая фонарь, не нашел его, обмотал какую-то палку тряпкой, смочил в бензине и поджег. С этим факелом он стал спускаться по лестнице. Метра через три он уперся в стальную дверь, закрытую на замок с цифровым кодом, наподобие тех, что ставят в подъездах. Кремер прищелкнул. Различить чуть стертые от прикосновений нужные цифры большого труда не составило.

За дверью факел не понадобился – на косяке был выключатель. Под потолком вспыхнули лампы. В первый момент Кремер ощутил укол разочарования – он находился в просторном, прохладном и совершенно пустом подвале. Только какие-то железяки валялись по углам, да у противоположной стены стоял огромный холодильник. Кремер подошел к хо-

лодильнику и распахнул дверцу.

Он увидел два замороженных трупа в вертикальном положении, прижатых один к другому, завернутых в прозрачный целлофан. Ему не понадобилось много времени, чтобы опознать Михаила Чаплыгина и Владимира Григорьева.

Кремер захлопнул дверцу холодильника и покинул подвал. Он погасил факел, установил на место плиту люка, загнал машину обратно в гараж, опустил снаружи металлическую штору. Потом он вернулся в комнату проверить, как чувствует себя Ольга Смоленкова.

Она ворочалась на кровати и что-то бормотала в забытии. Скоро она проснется – это хорошо. Кремер вовсе не хотел, чтобы она пропустила запланированную встречу.

Он посмотрел на часы – без четырех шесть. Он не мог выйти на улицу в своем пиджаке с разодранным рукавом, а потому разыскал в одном из бесчисленных шкафов другой – старый, но вполне приличный. Переложил в него все содержимое карманов... Свой пиджак и факел он возьмет с собой и выбросит по дороге.

К этому времени Ольга Смоленкова открыла глаза и говорила уже довольно осмысленно:

– Что случилось... Который час?

Кремер мысленно пожелал этому мирному дому счастья и процветания, вышел на улицу и зашагал прочь.

Город просыпался, и на улицах уже хватало машин. Невдалеке Кремер остановил такси и сунул водителю под нос фальшивое удостоверение ФСБ.

– Я на задании... Прошу оказать мне содействие.

Пожалуй, он немного перебрал с металлическими нотками в голосе.

– Чем смогу, – сказал таксист без особой радости.

– Насчет оплаты не волнуйтесь, такие оперативные расходы предусмотрены... Видите тот большой дом, ворота? Должна либо выехать машина, либо выйти женщина. Упустить никак нельзя, засветиться тоже.

– Положитесь на меня, – заверил таксист.

– Кстати, вы не знаете, кому принадлежит этот дом?

– Нет... Когда-то он принадлежал киноактеру Виталию Смоленкову, может, слышали о таком?

– Нет, – честно признался Кремер.

– Ну, большой звездой он не был... Но я-то нашим кино увлекаюсь... А потом у него карьера как-то и вовсе не заладилась, уж не знаю что, в общем, с экрана он исчез, переехал к нам в Хабаровск, играл в театре, но недолго. А дом, говорят, давно уже не его.

Диалог был прерван появлением серой «девятки». Утром Ольга Смоленкова ехала значительно осторожнее, чем но-

чью. Может, сказывалась головная боль после того, чем угостил ее Кремер, – он-то знал, как это бывает. Таксист преследовал машину, как настоящий профессионал – не слишком приближаясь, но и не упуская из вида ни на секунду, постоянно следя за тем, чтобы между такси и «девяткой» оказывалось не менее двух машин.

Ольга Смоленкова остановила «девятку» в узком переулке на окраине. Кремер торопливо расплатился с таксистом и пошел за ней – здесь, где машин почти нет, двигаться следом в такси было бы не слишком разумно. Оставаться незамеченным и так было нелегко, потому что она то и дело оглядывалась. Только бы она не села в другую машину...

Этого не произошло. Ольга привела Кремера туда, где он уже был вчера – к складу фирмы «Восток-Дельта», но прошла мимо и «Дельты», и «Золотых ворот», свернув к «Темникову». Четырежды она нажала кнопку звонка. Открылась узкая калитка, и женщина исчезла из вида. Дорого бы дал Кремер за то, чтобы узнать, какой разговор происходит сейчас за высоким забором с колючей проволокой наверху!

Он отошел на противоположную сторону улицы, намереваясь найти укрытие и дожидаться возвращения Ольги Смоленковой, как вдруг почти физически ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся. Кроме него, на улице был еще только молодой рокер в кожаной куртке с «молниями». Кремер неторопливо пошел вперед, свернул в переулок, сделал несколько бессмысленных кругов. Кожаная

куртка неотступно следовала за ним. Он сел в подвернувшийся автобус до центра, там покружил еще и зашел в кафе. Кожаной куртки поблизости видно не было.

Маленькое кафе только что открылось, и Кремер стал в нем единственным посетителем в этот ранний час. Он уселся за столик в самом углу, и тут в зале появился второй посетитель. Это был стройный, начинающий сидеть мужчина лет сорока с резкими, но не грубыми чертами лица. Он обвел зал взглядом и направился прямо к Кремеру.

– Простите, у вас не занято?

Театральная пауза начинала затягиваться.

– Так я, пожалуй, присяду. – Полковник Сергей Юрьевич Шведов (по словам Стаса Горецкого, теперь сотрудник некоего дальневосточного «управления М») сел напротив Кремера.

– Рад снова встретиться с вами и посидеть вот так – визави, – добавил он. – Только без глупостей... Я не один.

– Что было, прошло, – сказал Кремер. – Сейчас все это уже не представляет ни для кого ни малейшего интереса.

– О, конечно, теперь никого не интересуют дела далекого прошлого. Речь идет о настоящем.

– А в настоящем я для вас тоже неинтересен. Я здесь на отдыхе...

– Туристская поездка?

– Вроде того. Не возбраняется?

– И вы, конечно, путешествуете под своим настоящим

именем? Олег Юрасов из Комсомольска-на-Амуре?

Снова театральная пауза.

– Мы произвели проверку, – продолжил Шведов. – Олег Юрасов из Комсомольска-на-Амуре действительно существует... Или существовал. Две с половиной недели назад он выехал в Москву. Он не вернулся. Вместо него появились вы под его именем. Возможно, Олег Юрасов еще жив, но я не верю в это. Я думаю, что вы или те, кто стоит за вами, убили Юрасова. Как и почему – я не знаю, но я узнаю. Поехали...

Кремер встал. Как из-под земли появились двое молодых людей, и одним из них был тот самый рокер в кожаной куртке.

– Снимите пиджак, – распорядился он.

Кремер выполнил команду. Рокер провел по пиджаку рукой, вытащил из внутреннего кармана пистолет Медникова и передал Шведову. Потом он надел на Кремера наручники, сверху перекинул через них пиджак и протянул Шведову ключ.

– Вперед.

Кремера вывели из кафе под взглядами официантов и усадили на заднее сиденье черной «Волги». Шведов сел за руль, оперативники – сзади, справа и слева от Кремера. В дороге никто не произнес ни слова. Кремер присматривался, запоминая, куда его везут.

Машина остановилась перед шестиэтажным зданием с весьма солидной стеклянной вывеской у входа: «Дальневосточный социальный фонд». Что ж, название вполне нейтральное, позволяющее объяснить любому постороннему посетителю, что он обратился со своим делом не туда. В лифте Кремера привезли на шестой этаж и втолкнули в небольшую комнату с голыми стенами. Кроме стола и двух стульев, там ничего не было. Стекло в большом окне – явно небьющееся, судя по особому блеску.

И вот когда Кремер увидел это небьющееся стекло, у него возник... Нет, не план, не замысел даже... Скорее, появилась идея первого шага, который еще неизвестно к чему может привести.

Пальцами скованных рук он забрался в карман сложенного пиджака, нащупал там пластмассовый флакончик и нажал пружинку. Первая капсула упала в глубину кармана, за ней последовала и другая. Но третью капсулу ему удалось зажать между средним и безымянным пальцами как раз в тот момент, когда парень в кожаной куртке снял пиджак с его рук и принялся обыскивать карманы.

На стол выкладывались деньги, зажигалка и сигареты, носовой платок, удостоверение ФСБ на имя Игоря Журавлева, паспорт и водительские права Олега Юрасова, две половины

сломанной линейки – одна из них окровавленная и грязная – и флакончик с желтоватыми капсулами. Шведов взял его и повертел в руках.

– Сердечное, – пояснил Кремер.

– У вас что – больное сердце?

Кремер принужденно улыбнулся:

– Я уже не так молод, Сергей Юрьевич, а образ жизни берет свое.

Шведов пристально посмотрел в его глаза, словно хотел прочитать в них какую-то тайну, перевел взгляд на разодранный рукав рубашки и бинт под ним, на котором запеклась кровь. Оперативник обыскал карманы брюк, но там ничего не было.

– Всю эту коллекцию – в лабораторию. – Шведов кивнул на то, что было разложено на столе. – Пусть тщательно исследуют каждый предмет. Каждый, понятно? Сигареты, платок – все, особенно эту фармакологию.

Он положил флакон обратно. Парень в куртке сгреб все со стола и ушел. Второму оперативнику Шведов приказал охранять дверь снаружи. Кремер и Шведов остались вдвоем. Шведов указал на стул, Кремер сел. Шведов стал расхаживать по кабинету.

– Итак, – начал он, – в настоящий момент (он подчеркнул эти слова) меня не интересует, зачем вы приехали. Вы расскажете об этом в свое время. Сейчас – лишь судьба Олега Юрасова. Похищен? Убит? Как, почему и кем? Пока только

это.

Кремер поерзал на стуле.

– Я и не думаю запираяться. Я отлично сознаю свое положение и перспективу. Но прежде чем начать, могу я попросить хотя бы кофе с бутербродами? В кафе вы не дали мне позавтракать.

Шведов с презрением посмотрел на него, открыл дверь и распорядился:

– Володя! Спустись в буфет, два кофе и бутерброды.

Он сел к столу, достал из кармана отобранный у Кремера пистолет, вытащил магазин.

– Четыре патрона, – задумчиво сказал он. – Где же остальные три? Я скажу вам, где они. Три пули засели в стене вашего номера в гостинице «Восход». Там же мы обнаружили гильзы и глушитель. Думаю, экспертиза покажет, что их использовали в этом оружии.

«Значит, – подумал Кремер, – Медникова вы там не обнаружили, полковник? Или пока молчите об этом?»

– Одного я не пойму, – продолжал Шведов, – как вы ухитрились промахнуться с такого расстояния, да еще трижды, в кого бы вы там ни стреляли?

Кремер пожал плечами:

– Очень просто. Я не мог промахнуться по той причине, что я не стрелял. Стреляли в меня, но по необъяснимому стечению обстоятельств вместо меня на кровати оказалось скрученное в рулон одеяло.

Шведов хмыкнул:

– Вы тянете время, Андрей Викторович. Зачем?

– Нет, я не тяну время. Просто мне пока нечего толком рассказать. Одни догадки.

– Вот как? Ну, надеюсь, вместе разберемся.

– Вы не верили мне тогда и сейчас не поверите.

– Я верю фактам. Вы зарвались. Так или иначе, вы замешаны в похищении или убийстве Юрасова, и это вам дорого обойдется.

Вошел оперативник с подносом, расставил чашки с кофе, бумажные тарелки с бутербродами и исчез.

– Снимите наручники, – попросил Кремер, – бежать мне все равно некуда. На каждом этаже охрана, так? И этот парень за дверью – он мастер какого-нибудь кунг-фу?

Шведов достал было ключ, но передумал и вновь сунул ключ в карман.

– В этом здании много мастеров, – сказал он, – а вы прекрасно управитесь и так.

Кремер вскочил, рванулся к окну и изо всех сил ударил ногой в стекло. Оно даже не дрогнуло. Шведов резко швырнул Кремера обратно на стул. Привлеченный шумом, заглянул встревоженный оперативник. Шведов жестом отослал его.

– Не думал, что вы станете играть под сумасшедшего. – Он покачал головой. – Именно вы! Что, совсем нечем крыть?

Кремер с виноватой улыбкой развел руками. Краткого

мгновения рывка ему хватило, чтобы уронить желтую прозрачную капсулу в чашку полковника.

— Я привык использовать все шансы, — сказал он и отхлебнул кофе.

Шведов опорожнил свою чашку буквально одним глотком.

— Между прочим, как вы меня нашли? — спросил Кремер. — Неужели ходили по гостиницам и показывали мою фотокарточку?

— Почему бы и нет? — усмехнулся Шведов. — Старые способы редко дают осечку. В «Восходе» вы расспрашивали о Чаплыгине — нетрудно было догадаться, что в круг ваших интересов входит фирма «Восток-Дельта». Наши сотрудники ждали вас у центральной конторы и у склада. Вы довольно глупо попались.

— Нет, но как вы вообще...

Кремер умолк с открытым ртом, словно молния перед ним сверкнула. Как при наборе последней цифры в комбинации сейфа щелкает замок и открывается дверца, так щелкнул замок и открылась дверца темной комнаты его сознания. Он понял, он наконец понял. В деталях он по-прежнему блуждал в сплошных потемках, но главная, определяющая панель мозаики прочно встала на свое место.

— Что с вами? — удивленно спросил Шведов.

— Все в порядке. — Кремер допил кофе и поставил чашку на блюдце.

– Ну, тогда вот что... – Шведов вдруг пошатнулся и схватился рукой за горло. – О черт...

Он попытался дотянуться до кнопки звонка. Кремер придержал его руку. Шведов поднял на него затуманенный взгляд, как-то весь обмяк и рухнул на стол. Кремер осторожно перегрузил его на пол, обшарил карманы, достал ключ от наручников и после нескольких неудачных попыток отомкнул замок. Вместо пистолета Медникова он взял «макаров» Шведова, куда более солидное оружие. Иметь же при себе и то и другое – лишняя забота и лишний риск.

Кремер подошел к окну и принялся разглядывать раму. Это стекло нельзя разбить, но это не значит, что окно вообще невозможно открыть. Проветривают же они здесь когда-нибудь, раз нет кондиционера. Да и пожарная безопасность...

Нужная кнопка вскоре нашлась под подоконником. Стеклопанель бесшумно уехала в стену, в окно ворвался гомон улицы, шум автомобильных моторов. Кремер высунулся и посмотрел вверх. До края крыши было метра два – приличное расстояние, особенно если учесть, что раненая рука еще болела. Зато в полуметре от окна проходила ржавая водосточная труба. Кремер вернулся к столу и надел пиджак, затем конфисковал у Шведова небольшую сумму денег. Поскольку деньги Кремера ушли в лабораторию «управления М», он счел возможным частично компенсировать убытки.

Забравшись на подоконник, левой рукой он ухватился за трубу, а левую ногу поставил в углубление стены. Медленно

отцепил правую руку от края окна и – самый сложный момент – оторвал правую ногу от подоконника и перенес центр тяжести. Труба заскрипела и застонала, но выдержала. Кремер осторожно подтянулся, используя в качестве опор выбоины стены и металлические крепления трубы. До верха он добрался довольно быстро, уцепился одной рукой за край крыши, а другой – за воронку, которой заканчивалась водосточная труба. Раздался скрежет, проржавевшая воронка с частью трубы отломилась, устремилась вниз и с торжествующим грохотом обрушилась на асфальт.

– Эй, глядите! – раздался снизу мальчишеский голос.

Поглядеть было на что. Кремер болтался на одной руке на высоте шести этажей над улицей, беспорядочно двигая ногами и судорожно пытаясь за что-нибудь ухватиться свободной рукой. Хуже всего было то, что напряженные пальцы миллиметр за миллиметром сползали с гладкого металла крыши. Внизу ахали прохожие. Наконец Кремер нащупал торчащий из стены обломок штыря, на котором крепилась обломившаяся труба, схватился за него и начал подтягиваться.

Охранник у подъезда «социального фонда» заинтересовался, куда это люди показывают пальцами. Он задрал голову и увидел Кремера, когда тот уже вползал на крышу. Тут же Кремер вскочил и со всех ног бросился к пожарной лестнице на противоположной стороне здания. Он преодолевал лестницу с такой быстротой, что мог бы поставить рекорд по скоростному спуску на всемирной олимпиаде пожарных, и

все же охранник оказался проворнее. Он успел нажать кнопку тревоги, промчался сквозным коридором и появился под лестницей, когда Кремеру до земли оставалось еще метра три. Кремер прыгнул на него сверху. Оба упали и покатались по траве газона. Охраннику удалось прижать Кремера к земле, и он уже занес кулак для удара, когда Кремер двинул его коленом между ног. Парень перекатился через него и отлетел в сторону. Кремер метнулся к нему, рванул за рубашку и боксерским прямым в голову закрепил успех. Охранник оказался в нокауте. Кремер быстро осмотрелся.

Он стоял в небольшом дворике, огороженном высоким забором с запертыми воротами. Вплотную к забору росло дерево, вполне подходящее, чтобы перебраться по нему на ту сторону. Понимая, что сейчас сбежится весь наличный состав «управления М», Кремер помчался к дереву со всей прытью, на какую был способен. И, как оказалось, вовремя. Во двор ворвались трое молодых людей.

– Стой!

Они открыли стрельбу, целясь в ноги, но Кремер уже перемахнул забор.

Из дворика он выбрался, но еще не сбежал. Они мигом перекроют район, и, если Кремер не уберется отсюда сию секунду, ему придется плохо. Он промчался метров пятьдесят до перекрестка и растянулся перед капотом тронувшейся на зеленый свет машины – старенького «Форда Эскорт». «Форд» затормозил с таким визгом, что казалось, он весь

превратится в дым. Водитель выскочил на дорогу.

— Что с вами? Вам плохо?

Кремеру некогда было пускаться в объяснения, тем более что преследователи успешно преодолели забор и приближались с угрожающей быстротой. Они не стреляли, боясь попасть в постороннего человека, и это само по себе было удачей.

Оттолкнув водителя, Кремер прыгнул за руль «Форда». Машина рванула с места, словно дематериализовалась. «Форд» несся по улицам, как по гоночной трассе «Формулы-1», совершая безумно рискованные виражи и повороты.

Кремер бросил машину кварталов через десять. Пройдя еще квартала два, он нырнул в первый подвернувшийся бар. Здесь царили прохлада и полумрак, в стереодинамиках негромко пульсировала ритмичная музыка. Посетителей было немного — несколько человек за столами да хмурый работага, накачивавшийся пивом у стойки. Кремер тоже заказал пива и сел за столик.

Ситуация складывалась хуже некуда. Теперь его противники — не только таинственная группа, каким-то образом, видимо, связанная с фирмой «Темников». Полковник Шведов, помимо собственных сил, вполне может подключить и милицию, сообщив, что Кремер подозревается в убийстве. Более того, Кремер был бы удивлен, если бы Шведов поступил иначе. К вечеру, самое позднее завтра каждый милиционер в Хабаровске обзаведется фотографией Кремера. Мно-

го ли у него шансов при таком раскладе продержаться хотя бы сутки?

У него было лишь одно преимущество – правда, чисто теоретическое. Они знали, что он интересовался Чаплыгиным, то есть событиями в фирме «Восток-Дельта», но им ничего не могло быть известно о его интересе к «Темникову»... Но вот практически для Кремера это мало что меняло. Им придется вдвойне бдительно следить за складом «Дельты», а склад «Темникова» – в двух шагах. Кремер попал в шахматную вилку. Ему теперь мало дела до фирмы «Восток-Дельта», но он должен во что бы то ни стало пробраться в «Темников». В свою очередь, им нет дела до «Темникова», но они будут присматривать за «Дельтой», и Кремер просто не может не попасть в их поле зрения! Кроме того, расследование в гостинице «Восход» закрутится на бешеных оборотах. Рано или поздно выйдут на Медникова, если уже не вышли, а через него – на Ольгу Смоленкову и «Темников». Круг замкнется. Единственный шанс – опередить их: Кремер должен проникнуть в «Темников», и не когда-нибудь, а сегодня. Он не имел ни малейшего представления о том, как это сделать, но, если он не сделает этого, он погиб. И уж придерживаясь шахматной терминологии, уместно еще одно понятие – цейтнот...

В любом случае необходимо дождаться темноты. Не может быть и речи о том, чтобы действовать при свете дня. Он мог бы до вечера сидеть в барах, но было очевидно, что это

не так уж и безопасно. Лучше всего зайти в любой кинотеатр и отоспаться там в задних рядах несколько сеансов подряд. А пока нужно плотно закутить и купить сигареты и спички... И небольшой карманный фонарик.

Походкой беспечно прогуливающегося человека, засунув руки в карманы, Кремер брел по улице мимо пестрых витрин, снова и снова прокручивая в голове все плюсы и минусы своего положения. Главный плюс состоял, пожалуй, в том, что они хоть и не упустят из вида «Дельту», но, в общем-то, не очень будут ждать Кремера там. Их расчет может строиться на предположении, что Кремер попытается улизнуть из Хабаровска... Еще один небольшой плюс – «макаров» полковника. Кремер не безоружен... Зато минусов хоть отбавляй. И что хуже всего – отсутствие хоть самого приблизительного, хоть какого-нибудь плана.

Когда Кремер вышел из автобуса в двух кварталах от складов, начинал накрапывать мелкий противный дождь. Погода испортилась еще днем – небо заволокли тучи, поднялся ветер. Уличное освещение работало из рук вон плохо – лишний гриб в корзину Кремера.

Он увидел их сразу, как только выглянул из-за угла. Их было двое, они и не старались прятаться – стояли под блеклым фонарем, курили и беседовали. Фасад склада «Дельты» заливал ослепительный свет прожектора, укрепленного на мачте и повернутого так, что на забор свет не попадал. Но фасад склада «Темников» не был освещен.

Итак, двое – здесь, на улице, демонстративно. А где остальные? Не мог же Шведов отправить сюда всего двоих. Двое – это вроде приманки, на случай если Кремер, воодушевленный малочисленностью и беспечностью противника, решится на силовую эскападу.

Он притаился за углом, подождал, пока глаза привыкнут к контрастам света и темноты, и обнаружил сначала одного – он прятался в подъезде, потом другого – в подворотне метрах в двадцати. Диспозиция прояснялась.

Во дворе и внутри склада тоже обязательно засели несколько человек. Не менее продуманным образом охраняется и тыловая часть территории, выходящая на соседнюю

улицу, — в этом можно не сомневаться. Где-то рядом и их машины... Вон там. Все перекрыто наглухо, жестко, профессионально. А плоский стальной ангар «Темникова» — вот он, рукой подать, за высоким забором, увенчанным невидимой в темноте спиралью из колючей проволоки.

И тут Кремер понял, каким образом попадет к ангару.

Он тихонько подобрался к тому месту, где бетонный забор оканчивался металлической решеткой. Здесь было совершенно темно, и Кремера не могли увидеть. Возле мусорных баков в подворотне он нашарил донышко разбитой бутылки и забросил на верх забора. Донышко со звоном ударилось в проволочную спираль. Кремер вжался в стену.

— Эй, что там? — донеслось до него.

— Кошка сгорела на проволоке, — предположил кто-то со смехом.

Сгорела? Выходит, по проволоке пропускается электрический ток? Черт, это же незаконно! Ладно, на беззаконие Кремер пожалуется потом, а сейчас повезло — он хотел только спровоцировать парней на безрезультатный обход, чтобы усыпить их бдительность, а получил жизненно важную информацию.

Все же они решили проверить. Они прошли с фонарем в полуметре от Кремера, посветили в пустую подворотню и возвратились обратно. Пора действовать.

Он просунул руку через решетку, нащупал толстый кабель и добрался по нему до распределительной коробки. Повер-

нул задвижку, но она заскрипела так, что он метнулся прочь к спасительному углу и застыл наподобие памятника самому себе. К счастью, скрипа они не слышали. Кремер вернулся. Он поворачивал задвижку сантиметр за сантиметром. Наконец она тихо щелкнула, и дверца коробки открылась. Кремер тщетно пытался рассмотреть что-нибудь внутри и в конце концов решил рискнуть. Достал маленький фонарик, купленный днем, сложил руки лодочкой, нажал кнопку. За полсекунды он разглядел все, что ему было нужно, после этого уже уверенно протянул руку в темноте и отключил рубильник.

Пистолет он переложил в правый карман брюк, фонарик в левый, а пиджак снял и засунул за решетку. Этот пиджак сильно помешал бы двигаться... Сигареты и спички Кремер спрятал в задний карман брюк и застегнул его на пуговицу. Что бы ему ни предстояло, оставаться без сигарет он не хотел. Деньги уже давно покоились в кармане рубашки, также застегнутом.

К этому времени дождь припустил по-настоящему. Кремера это устраивало, хотя он сразу промок и замерз. Осторожно и бесшумно он поднялся по решетке до верха забора и вполз в образованный проволочной спиралью тоннель, стараясь по возможности не касаться шипов.

Теперь предстоял сущий пустяк – метров восемьдесят пути ползком по дорожке шириной меньше полуметра, где колючая проволока сверху, снизу и с боков. Кремер вздохнул

и двинулся в путь.

Через полчаса он не преодолел еще и половины пути, а ладони были уже разодраны в кровь, рубашка и брюки превратились в лохмотья, колени болели и кровоточили, а спину ломило так, будто он неделю без отдыха работал на руднике. А впереди было самое трудное – без единого звука проползти мимо «Дельты» над самыми головами оперативников. Существовала еще опасность, что кто-нибудь при обходе обнаружит выключенный рубильник и исправит положение, но об этом Кремер старался не думать.

Медленно преодолевая сантиметры, он полз вперед, нащупывал ладонями свободный от острых шипов участок, ставил туда руку, подтягивал колени и таким образом продвигался. Стоит зацепиться за проволоку – спираль закачается, зазвенит, и все будет кончено, попался...

Кремер уже миновал «Дельту», когда кто-то из оперативников направил луч фонаря на проволочную спираль. Он водил лучом туда-сюда – может быть, ему нравилось, как проволока блестит на свету под дождем. Луч почти коснулся ботинок Кремера, замер, двинулся назад и погас. Кремер без сил опустился прямо на шипы и минут десять лежал. Если бы не этот короткий отдых, он бы вообще не дошел.

Но он дошел. Весь в крови, изнемогая от боли и холода, он увидел прямо под собой квадрат асфальтированного двора и в отблеске далекого уличного фонаря – надпись «Темников».

С бесконечными предосторожностями он раздвинул витки спирали, протиснулся между ними, повис на руках, разжал пальцы и не спрыгнул, а скорее плюхнулся во двор.

Какое-то время Кремер сидел под забором, приходил в себя. Потом он встал, сделал несколько энергичных движений руками и ногами, размял спину. Стало немного легче, насколько это в принципе возможно после подобных путешествий.

Подойдя к ангару, Кремер заметил, что металлическая дверца в створке ворот приоткрыта и изнутри пробивается слабый свет, а чуть позже услышал и голоса. В ту минуту он только что не взвыл от отчаяния, но тут же ему представилась возможность понять свою ошибку. Одного из тех, кто был внутри, окликнули.

– Хозяин!

Человек Шведова не мог так обратиться. Значит, здесь не те люди, которых Кремер опасался, а те, кого он искал... Хотя опасался их едва ли меньше.

Приоткрыв дверцу чуть шире, он оценил обстановку. Так, можно действовать смелее... Он проскользнул внутрь и прижался к стене.

В просторном помещении стояли три легковые машины. В дальнем углу на перевернутом ящике четверо мужчин играли в карты. Ближе к воротам располагался фургон под брезентом, за этим фургоном и укрывался Кремер. Чуть приподняв край брезента, он посмотрел на номер.

Это был пропавший «Фольксваген» фирмы «Восток-Дельта».

Кремер съехался за машиной и прислушался к беседе игроков, но она состояла в основном из карточных терминов и кратких ссылок на неизвестных ему людей и события. Проскользнув под брезент сзади, он приоткрыл незапертую дверцу грузового отделения. Должна была загореться лампочка в кузове. Кремер на это и рассчитывал – плотный брезент, укрывающий машину целиком, не пропустит ни лучика света наружу. Но этого почему-то не произошло. Кремер вытащил фонарик. Не работает! Безднадежно отсырел. Тогда Кремер ощупью попытался зажечь спичку. С таким же успехом он мог бы чиркать спичками на дне морском. Протянув руки в темноту, он наткнулся на металлический ящик сантиметров в сорок высотой. Рядом еще один и еще. Вероятно, это и были те самые контейнеры, но как узнать, есть ли среди них шестнадцатый? Проклятие! Как многое может зависеть от испорченного освещения! Спрятаться в кузове и ждать, пока все уйдут? А если не уйдут или вместо них придут другие? Да и что еще будут эти или другие (или все вместе) делать... И нельзя ждать до бесконечности неизвестно чего. Действовать в открытую, угрожая пистолетом, тоже нельзя, парни Шведова рядом...

Кремер подобрался к кабине под брезентом, открыл дверцу. Вот тут лампочка под потолком загорелась. Попробо-

вать заменить ею лампочку в кузове? Но даже если загвоздка именно в лампочке, а не в электропроводке (что сомнительно), как сделать это в крошечной тьме, на ощупь, среди всего этого железа? Шум почти неизбежен, и этот кузов – смертельная ловушка.

Если только...

Приборы жизнерадостно утверждали наличие почти полного бака бензина. Кремер наскоро обыскал кабину, но ключа зажигания не нашел. Зато в рундуке лежали разнообразные инструменты, без которых водители обычно не обходятся. Кремер хорошо знал эту марку машин (как и многие другие), знал, где и что нужно откручивать, чтобы добраться до системы зажигания. А добравшись, он обрезал провода и зачистил концы.

Теперь ворота ангара. Несокрушимыми они не выглядят, и все же нужно снять стальную полосу засова. Кремер выскользнул из кабины, убедился, что игроки не увидят его, и прокрался к воротам, как тень. Он не только снял полосу, но и ухитрился немного приоткрыть створки. И другие ворота – в заборе, снаружи. Кремер покинул ангар, снял засов и там, но приоткрыть их на виду людей Шведова он, ясно, не мог. Вернувшись к машине, он крепко привязал край брезентового чехла сзади к торчащей из стены ангара скобе.

Затем он снова заполз в кабину. Откинулся на спинку сиденья, на полминуты закрыл глаза, чтобы окончательно собраться, захлопнул дверцу, замкнул провода и дал газ.

Фургон вырвался из-под привязанного к скобе брезента, как взревевшее чудище. Кремер включил фары, эффектно развернулся на пяточке и швырнул машину прямо на четверых игроков. С криками ужаса они бросились врассыпную. Под колесами хрустнул ящик. Кремер резко затормозил у самой стены, дал задний ход и кузовом смял две из стоявших в ряд легковых машин, потом заложил вираж и ринулся на ворота. Приоткрытые створки разлетелись, будто были сделаны из папиросной бумаги. В зеркальце Кремер видел, как четверо кинулись к единственному уцелевшему автомобилю – серебристому «Датсуну». Фургон с полного хода вышиб и ворота в заборе (правда, одна фара при этом разбилась и погасла, кронштейн выносного зеркала перекосялся), заюзил по мокрому асфальту и боком врезался в одну из ожидавших на углу двух черных «Волг».

– Это он! – завопил во весь голос кто-то из команды Шведова. – Сюда, за ним! Это он там, в фургоне!

Зигзагами «Фольксваген» понесся по извилистым улицам. Следом с визгом и воем вылетел «Датсун», и с опозданием всего на несколько секунд – вторая «Волга». Сколько бы из людей Шведова ни успели добежать и запрыгнуть в машину, тут и одного – слишком много!

Грузовой фургон уступал в скорости и «Датсуну», и даже «Волге», но в путанице городских кварталов это не имело решающего значения, здесь все равно не разгонишься. Конечно, фургон уступал и в маневренности, но что касается

мастерства и изобретательности водителей – тут еще видно будет, кто кого.

Фургон проносился по переулкам, сшибая по пути какие-то киоски и заборчики. Пожалуй, только по одному обвинению в уничтожении частной и муниципальной собственности Кремер мог бы загребеть лет на пять. Преследователям приходилось несладко, они то и дело увертывались от летящих во все стороны обломков самого разного вида и веса.

Но они не отставали. Впереди показался дом, фасад которого был закрыт строительными лесами. Кремер бросил машину вправо, промчался по тротуару почти вплотную к дому и как лезвием сбрил подпорки. Все сложное переплетение конструкций из дерева и металла качнулось и с грохотом рухнуло, перекрыв улицу. «Датсун» успел проскочить, лишь получил вмятину на крыше от какой-то тяжелой железяки, а водитель «Волги» едва не вписался в баррикаду и вынужден был свернуть. Но Кремер оторвался от него ненадолго. Надо отдать должное оперативникам Шведова, они прекрасно знали эту часть города. Через несколько секунд «Волга» с торжествующим завыванием вынырнула из какого-то переулка и оказалась даже впереди «Датсуна».

В луче сохранившейся фары промелькнули последние дома окраины, и машина Кремера стремглав выскочила на загородное шоссе. Да, шоссе – это уже значительно хуже, но пока преследователи петляли в лабиринтах переулков, Кре-

мер выиграл не менее километра расстояния.

Грохнул выстрел. О черт, только этого еще не хватало! Из какой бы машины ни стреляли, результат все равно будет один... Кремер принялся швырять «Фольксваген» из стороны в сторону, выполняя противозенитный маневр. На скользкой и мокрой дороге под струями дождя невероятно трудно было удерживать груженный фургон. Два или три раза колеса зависали в пустоте над кюветом. Еще одна пуля пробила заднюю стенку кабины, и в ветровом стекле появилась аккуратная дырочка. Кремер выхватил пистолет и выстрелил через плечо наугад в темноту, поверху, просто чтобы показать, что он вооружен и шутки с ним плохи.

Шоссе изгибалось большой петлей. «Датсун» по-прежнему летел за фургоном, а «Волга» свернула на проселочную дорогу и ринулась наперерез. Машина Кремера просвистела перед ее бампером, как снаряд, когда «Волга» уже выпрыгивала снизу на шоссе. «Датсун» шел за Кремером вплотную. «Волга» вылетела на асфальт, завизжали тормоза, и машину понесло юзом. Водитель «Датсуна» лихорадочно пытался избежать столкновения. Он тоже тормозил и выворачивал руль. Две машины столкнулись с громоподобным лязгом. «Волгу» отбросило в кювет, а неуправляемый «Датсун» провертелся по мокрой дороге и врезался багажником в столб с каким-то указателем. Однако он не был поврежден настолько, чтобы не возобновить преследования...

Пусть у Кремера оставалась теперь одна проблема из двух,

но виновник этой проблемы мчался уже не сзади, а рядом. Кремер несколько раз бросил машину влево, стараясь столкнуть «Датсун» с дороги, но противник маневрировал чертовски ловко. Кремер выстрелил по колесу и промахнулся, к тому же чуть не прозевал поворот.

Дорога шла высоко над берегом реки. Внизу Кремер разглядел освещенный прожектором элинг с несколькими яхтами, катерами и лодками. На повороте «Датсун» немного отстал. Кремер повернул руль и ударил по тормозам. Фургон развернуло поперек дороги. «Датсун» вылетел из-за поворота на скорости не менее ста километров в час. У водителя было не больше четверти секунды на принятие решения – если бы «Датсун» врезался в фургон, от него бы осталось мокрое место. Тормозить уже не имело смысла. Он повернул.

«Датсун» сорвался в воздух над обрывом, как серебристая летающая тарелка. Мелькнули в свете фары «Фольксвагена» дверцы, колеса, катафоты, раздался вопль, и машина с глухим тяжким всплеском низверглась в воду.

Через тридцать секунд тишину и покой этого уединенного уголка не нарушало уже ничто, кроме плеска волн, шума дождя и далеких криков какой-то ночной птицы.

Кремер открыл дверцу, совершенно обессиленный и опустошенный, выбрался из кабины и уселся, вернее – сполз прямо на дорогу, прислонившись спиной к колесу. Прохладные струи дождя смывали пот и кровь с его лица.

Итак, он выиграл... Выиграл краткую отсрочку. Отсюда

до того места, где произошла авария «Волги», не более пяти километров. Люди Шведова будут преследовать Кремера хоть пешком, хоть ползком. Наверняка они вызвали подкрепление еще с дороги, сюда мчатся другие машины... Надо убираться отсюда, и как можно скорее.

Кремер встал (очевидно, это был самый мужественный подвиг в его жизни), вынул из кармана фонарик. Нет, фонарик не ожил... Отсыревшие спички тоже, понятно, намного суше не стали. Кремер снова сел за руль, вытряхнул спички из коробка и разложил на раскаленном кожухе двигателя. Через несколько минут спички подсохли. Он вышел и поднялся в кузов. Здесь он поджег коробок. На каждом контейнере виднелся хорошо заметный белый номер. Все они были тут...

Все, кроме шестнадцатого.

Все напрасно. Тупик. Кремер должен вернуться в город, но дорога закрыта для него, и каждая секунда приближает опасность.

Он покинул кузов, бросил последний взгляд на «Фольксваген» и начал спускаться по обрыву к воде, нащупывая невидимые в темноте корни.

Внизу раздались ругательства. Кремер притих. Так, по крайней мере двоим удалось выплыть... А может быть, спаслись все четверо, и не попасться бы им на глаза.

Эллинг располагался метрах в ста, рассеянный свет его большого прожектора попадал и туда, откуда доносилась нецензурная брань. Кремер рассмотрел сначала одного человека – косматого толстяка, потом второго... Третьего, четвертого. Да, все, ну и счастлив их Бог.

Они удалялись по берегу в поисках тропинки наверх. «Вот и хорошо, господа, – подумал Кремер, – вам вверх, мне вниз, но я не прощаюсь». Он надеялся, что придет еще время с ними побеседовать... Но не теперь. Один против четверых, здесь, в темноте, в ожидании людей Шведова – нечего и думать. Они же, видимо, проверят фургон, а вот шнырять во мраке в поисках Кремера вряд ли станут, поостерегутся. Могли ли они отчетливо разглядеть его, когда он маневрировал в складском ангаре? Он ослепил их дальним светом,

но ведь потом еще разворачивался. Не исключено, что и разглядели, и запомнили. Но сейчас их шансы все равно близки к нулю. Снова, как в шахматах. Как это называется, когда ни одна из сторон не может сделать ход? Пат?

По мокрой земле Кремер сполз на прибрежный песок. На берегу стоял домик сторожа – скорее всего, пустой. Иначе трудно представить, каким образом его обитатель или обитатели ухитрились не проснуться от воя и грохота разыгравшегося здесь автоковбойского шоу. Кремер подошел к домику, поминутно спотыкаясь о разбросанные там и тут железяки, бревна и обломки гнилых досок, толкнул фанерную дверь. Она была не заперта. Кремер вошел и зажег свет.

В нос ударил крепкий запах перегара и табачного дыма – впечатление такое, будто здесь неделю гудел гусарский полк. На узенькой кровати сном праведника почивал сторож в обнимку со своей лучшей подругой – внушительных размеров бутылкой. На губах его играла ангельская улыбка. Другая подружка сторожа, сильно помятая леди лет шестидесяти, похрапывала на полу. Просто идиллия.

Сторож пошевелился и прочавкал сквозь сон:

– Кто здесь...

– Меня зовут Бонд, – сказал Кремер, – Джеймс Бонд.

– А, – промямлил сторож, к удивлению Кремера, довольно внятно. – Ты, парень, задай им всем...

Он перевернулся на спину и захрапел.

– Да уж будь уверен, – пообещал Кремер и закрыл дверь

снаружи.

По легкой ажурной лесенке он спустился в эллинг. Там бок о бок стояли две яхты, рядом приткнулись два пузатых катера, один с полуразобраным двигателем, и три лодки. Одна из них была пластиковой, с мощным подвесным мотором и парой весел. На носу этой лодки валялся небольшой якорек-кошка с привязанной к нему длинной стропой. Кремер прыгнул в лодку и после краткого осмотра решил, что это и есть то, что нужно. Он приготовился запустить мотор.

– Вон он! – раздался крик с обрыва. Щелкнул выстрел, пуля вбуравилась в воду перед носом лодки.

– Не стрелять! – повелительно гроыхнул другой голос. – Он нужен Шведову живым!

– Я знаю, куда стрелять... Он не должен уйти...

Два темных силуэта двигались по самой кромке обрыва. Только двое? Ну, вероятно, только они вдвоем и успели вскочить в машину и устремиться в погоню, а подкрепление еще в пути. Двое молодых, крепких, прекрасно тренированных оперативников против одного измученного, израненного, бесконечно усталого человека. Никакой надежды даже на то, что у них завяжутся дискуссии с парнями из «Темникова» – те могли уйти довольно далеко, а если и нет, едва ли вмешаются.

Самым простым решением было бы разбить прожектор выстрелом, завести мотор и уходить рекой... Но тогда они будут диктовать условия игры, со всеми преимуществами на

их стороне.

Едва не перевернув лодку, Кремер схватился за перила лесенки и одним духом взлетел на берег, подальше от широкого луча прожектора. Двое спускались, перебрасываясь краткими репликами.

– Он где-то здесь...

– Осторожнее, у него пистолет...

Пистолет-то пистолет, да вот толку от него... Не стрелять же в них. Но теперь у Кремера появилось и преимущество. Он их пусть плохо, но видел, а они его нет. По контрасту с освещенным кругом темнота за его пределами должна была выглядеть для них чернее чернил.

– Слушай, – снова донеслось до Кремера. – Если он не дурак, давно улепетывает по берегу.

– Или как раз целится.

– Ты бы стал рисковать?

– Черт его знает...

– Да конечно, улепетывает... Очень ему нужны все эти перестрелки, только Шведова злить.

– А то он мало его разозлил...

– Так что, выходим на связь, докладываем, что он тут?

– Погоди, все-таки осмотримся. Представляешь, если мы сами его возьмем? Премия и отпуск!

– Или пуля в голову.

– Ты всегда умел найти нужные слова в нужный момент.

– Брось, плевать мне на него. Ты меня видел в деле. Чтобы

я шарахался от какого-то мерзавца...

– Ладно. Глядишь, если не его, так что-нибудь найдем, что может определенно вывести на след...

– Ну да. Записную книжку он обронил, а в ней все расписано.

– А что! И не такое бывает...

Справа от сторожки под скалой теснились алюминиевые ящики-шкафы для лодочных моторов – около десятка, большинство пусты и незаперты. Стараясь не гроыхать ногами по гулкому алюминиевому листу, Кремер забрался на крайний и прижался к скале. Преследователи были уже внизу. На сторожку они не обратили внимания – она была хорошо освещена, и Кремер не мог проскользнуть туда на их глазах. Они разделились и пошли по кругу, держа пистолеты наготове в темноте. Один из них шел прямо на Кремера, который стиснул в руке «макаров», подобрался и сгруппировался для прыжка. Главная трудность состояла в том, чтобы выключить парня мгновенно и бесшумно – иначе проще было выйти к ним с поднятыми руками.

– Что там? – раздалось с другой стороны сторожки.

Парень споткнулся.

– А, черт... Здесь какие-то железные ящики. Ничего не видно. Если бы фонарь не разбился в чертовой машине!

– Я посмотрю в доме. Может, там есть фонарь.

Оперативник повернулся. Более удобного момента Кремер мог и не дожидаться. Скрипнула дверь сторожки. Кремер

прыгнул. Рукоятка «макарова» врезалась точно в висок парня, и он рухнул как подкошенный. Кремер скатился с ящика, метнулся к двери сторожки и затих.

Внутри что-то загремело, потом Кремер услышал смешок, и второй оперативник вышел наружу.

– Слушай, здесь...

Больше он ничего не успел сказать. Массивная рукоятка пистолета сделала с ним то же, что и с его напарником. Кремер вошел в сторожку и в боковом чуланчике отыскал моток нейлонового шнура и нож. Этим шнуром он крепко связал обоих оперативников и запихнул каждого в отдельный ящик для моторов. Дверцы ящиков-шкафов он надежно замотал снаружи обрезками того же шнура. Отлично, теперь они могут (когда очнутся, а это будет не так скоро) орать хоть до утра, но им не выбраться, пока не проснется сторож со своей мадам. Часов пять гарантировано, если Кремер хоть что-то понимал в пьянстве. Конечно, их могут и раньше освободить прибывшие с подкреплением люди Шведова, но те не знают, где искать... Некоторое время он размышлял, не забрать ли с собой один или оба пистолета оперативников (какой-то новой, незнакомой ему марки), потом махнул рукой и выбросил оба в воду. Обуза, да и что толку ходить, обвешавшись оружием, как Шварценеггер в боевике... Только в фильмах все решается вот так просто.

Оставались еще спецсредства связи, похожие на обычные мобильные телефоны. Взять, чтобы прослушивать их пере-

говоры? Рискованно. В них могут быть встроены радиомаяки, работающие даже при включении на прием. Устройства полетели в реку следом за пистолетами. Кремер вернулся в лодку с одним «макаровым», к которому начал привыкать. Ручным стартером он завел мотор, открыл воротца эллинга и направил лодку в сторону хабаровского речного порта.

Дождь прекратился, и ветра почти не было. Бакены фарватера светились далекими огнями, а прожектор за кормой уплывал все дальше, пока не стал большой сверкающей звездой.

У причалов порта были пришвартованы несколько пассажирских судов. Но Кремер обратил внимание не на них, а на стоящий на рейде, залитый огнями трехпалубный круизный теплоход «Александр Воронов».

Темный борт «Воронова» возвышался над лодкой, как огромная стена. Мотор Кремер выключил уже давно и последние четверть километра до теплохода прошел из предосторожности на веслах. Теперь он медленно греб от кормы к носу и остановился где-то на середине. Конец стропы якоря-кошки он привязал к алюминиевой ручке-скобе на носу лодки, метнул кошку наверх. Первая попытка закончилась неудачей: якорь соскользнул, плюхнувшись в воду. Кремер подтянул его и метнул еще раз. Теперь что-то звякнуло, и якорь засел прочно.

Эти несколько метров подъема по стропе дались ему едва ли не труднее, чем адская дорога в тоннеле из колючей проволоки. Не однажды ему казалось, что этот подъем не одолеть. Стропа терзала окровавленные ладони, словно покрытая наждаком. За метр или полтора до фальшборта силы оставили Кремера. Он закрыл глаза. Все, хватит. Сейчас он разожмет судорожно стиснутые кисти рук... А внизу – прохладная вода и желанный покой. Черная волна небытия захлестывала мозг. Какие-то радужные круги... Он увидел ши-

роко открытые, удивленные глаза Анжелы Солнцевой, ужасную зияющую рану на ее горле. Увидел мертвое тело Олега Юрасова на бетонном полу... Все напрасно... Он не сумел.

И в этот момент, борясь с тошнотой, теряя сознание, он с утроенной силой рванулся вверх и невероятным броском преодолел оставшееся расстояние. Перевалился через фальшборт и упал на холодную металлическую палубу. Это называется вторым дыханием, что ли? Кремер лежал на спине, на мокром рифленом металле, и из всех мыслей осталась только одна: я здесь.

Он не знал, сколько времени прошло. Сознание постепенно прояснялось. На палубе никого не было. Шатаясь, он встал, заглянул через фальшборт вниз. Его лодка почти не была видна отсюда; если повезет, ее не заметят. Он отцепил якорь-кошку от металлической сетки фальшборта, в которой тот основательно застрял, и укрепил ниже, там, где его также трудно будет заметить. Затем он направился на верхнюю пассажирскую палубу.

«Александр Воронов», очевидно, зашел в Хабаровск в ходе круиза и ожидал разрешения на швартовку. В многочисленных барах, ресторанах и дискотеках звучала музыка. Веселые, беспечные голоса развлекающихся мужчин и женщин, смех и возгласы доносились отовсюду. Кремер крался вдоль борта в жалких лохмотьях, не так давно бывших одеждой, весь покрытый запекшейся кровью, как привидение из фильма ужасов. Стоит кому-нибудь только наткнуться

ся на него... В таком месте он как-то не смотрелся.

Он миновал пустынный холл и спустился в ярко освещенный коридор, по обеим сторонам которого тянулись ряды полированных дверей кают первого класса. В узенькой каютке под трапом, где хранился различный инвентарь, для него нашлось достаточно места, и это был неплохой наблюдательный пункт. Кремер втиснулся туда и стал ждать, попутно выискивая подходящее орудие взлома. Двери кают хлопали то и дело, кто-то уходил, кто-то возвращался, ночная жизнь теплохода была в разгаре. Кремер не спешил, он должен был знать наверняка. Наконец из ближней каюты-люкс показались двое – высокий блондин в небрежно-богемном одеянии и женщина в темном вечернем платье. Кремер услышал обрывок их разговора.

– Отличная программа, – говорил блондин, закрывая дверь. – Кажется, до пяти утра.

– Ну, правильно, – капризно протянула его спутница. – Мы там застрянем и все прозеваем.

– Что прозеваем, дорогая?

– Швартовку. Я хочу быть на палубе, хочу смотреть.

– Ну и успеем. Это вряд ли раньше шести. Ты уверена, что к тому времени останешься на ногах?

– Не уверена...

Парочка прошла по трапу над головой Кремера. Шаги удалились и стихли. В коридоре не было ни души. Пора. Кремер покинул свое убежище, найденной железкой аккуратно

вскрыл дверь и проник в каюту.

Он оказался в трехкомнатных апартаментах со стильной мебелью. Он не торопился. Возможность внезапного возвращения блондина и его дамы нисколько не беспокоила его – с ними он уж как-нибудь управился бы, да и зачем им возвращаться? Он начал с ванной комнаты, отделанной то ли под мрамор, то ли настоящим мрамором – наполнил ванну горячей водой и плюхнулся в нее, фыркая наподобие довольного моржа. Он блаженствовал с полчаса, физически ощущая, как уходят, отступают усталость и боль. Потом он тщательно смыл запекшуюся кровь, побрился «Жиллеттом». Все еще тупо ныло в висках. Он разыскал в аптечке аспирин и проглотил сразу четыре таблетки, после чего занялся поисками одежды.

В шкафах ее обнаружилось столько и в таком разнообразии, что хватило бы на небольшой костюмированный бал. Кремер выбрал светлый костюм, темную рубашку, галстук и легкие английские туфли. Они оказались тесноватыми, но в общем ничего. Он придиричиво осмотрел себя в зеркале с головы до ног. На него с оттенком превосходства глядел светский плебей, завсегдатай ночных клубов и казино. Лучшего и желать не приходилось. Уж в таком-то виде его не ждут в городе. Правда, костюм слишком облегал фигуру – «макаров» будет выпирать, но тут ничего не поделаешь.

Собственно, его вообще вряд ли ждут в городе. Надо быть идиотом, чтобы после всего шагнуть в распахнутую ловуш-

ку. А когда освободятся и доложат о происшедшем те двое, что заперты в ящиках-шкафах для моторов, каким будет вывод? Что Кремер сбежал. Такой вывод и был бы сделан, если бы...

Если бы не Сергей Шведов.

Этот человек один стоил многих. Кремер мог только предполагать, какие шаги он предпринимал и предпринимает, что ему известно в данный момент, а что еще не известно. Но он знал совершенно точно, что Шведов не отступится и одурачить его не удастся. Более того, он знал, что Шведов знает, что он, Кремер, также не отступится. Противостояние между Кремером и людьми из «Темникова» отходило на задний план. Главным становилось противостояние между ним и Шведовым. Это была схватка на личностном уровне, и ничего хуже этого быть не могло. Для Шведова Кремер превратился в проблему не столько профессиональную, сколько личную. Полковник будет рыть носом землю, пока не достанет Кремера. Пока остается хотя бы один шанс из миллиона, Сергей Шведов будет продолжать игру. А шансов у него значительно больше, чем у противника. При таких шансах игроки не встают из-за стола.

Кремер принес из ванной свою рубашку, извлек из кармана промокшие, чуть ли не расплзающиеся деньги. Он положил их на стол, а взамен взял другие из ящика в той же сумме. Когда его деньги высохнут, они станут вполне платежеспособными.

Он нашел фломастер и написал на бумажной салфетке: «Дорогие господа! Я не в ладах с законом. Непредвиденные обстоятельства вынудили меня воспользоваться вашим гардеробом, но никакого другого ущерба я вам не причинил. Прошу вас не поднимать шума и не беспокоить понапрасну власти. Это может стоить вам неприятностей – теплоход не так велик, и я рядом. Благодарю». Так себе сочинение, но он надеялся покинуть теплоход раньше, чем эту записку прочтут.

Записку он положил на видное место возле денег на столе, вышел из каюты, закрыл дверь и неторопливо направился на корму. Теперь он не боялся, что его могут увидеть. Он нуждался в спокойном комфорте для размышлений, и лучше ночного бара тут ничего не найти.

В баре «Золотой лев» приятная прохлада и полумрак смешивались с дымом дорогих сигарет. Человек десять сидели за столиками, а у стойки – только одинокая красивая девушка изрядно под мухой. На телеэкране над стойкой исповедовалась лысая певица Шинед О'Коннор. Кремер заказал martini, купил сигареты и уселся на табурет. Если не считать страшной усталости и труднопреодолимого желания поспать хотя бы полчаса, он чувствовал себя почти в норме.

Лысая голова исчезла с экрана, на ее месте возник встревоженно тараторящий диктор, но Кремер не обращал на него внимания, занятый своими мыслями. Только когда на экране появилась его давняя фотография, он прислушался.

– Чрезвычайно опасный преступник, – частил диктор, – всегда имеет при себе оружие и не задумываясь пускает его в ход. Если вы встретите этого человека, не пытайтесь его задержать. Немедленно сообщите...

Девушка, сидевшая за стойкой справа от Кремера, перевела глаза с экрана на него, потом снова на экран. Она была вовсе не такой пьяной, какой показалась с первого взгляда.

– Э! Да это вы там, по телевизору, – сказала она не вопросительно, а констатируя факт. – Объявлена свободная охота? Укокошили кого-нибудь?

– Нет. – Кремер зажег сигарету и выпустил колечко дыма. – Так, пустяки. Ограбил парочку банков.

– О, как интересно! – Она захлопала в ладоши. – Всегда мечтала познакомиться с настоящим гангстером. Меня зовут Лена, а вас?

– Майкл Корлеоне, – буркнул Кремер.

– О, конечно. – Девушка погрозила ему пальцем. – Как же еще... Ладно, я буду звать вас Майкл, о'кей? А что вы здесь делаете?

– Развлекаюсь, – сказал Кремер.

– Это не лучшее место, чтобы развлекаться после ограблений. Если вас узнают, куда бежать?

– Меня ждет подводная лодка.

– Ха! Здесь такая скука... Впрочем, как и везде. Я всю Европу объездила. Вот теперь решила по России прокатиться, но по большому счету и здесь то же самое... Давайте слетаем

в Вегас. Вы поедете со мной, гангстер?

– Меня сцапают в аэропорту, – объяснил Кремер.

Лена очаровательно нахмурилась:

– А, ну да. Я не подумала. Знаете что... Купите мне бокал чего-нибудь и пошли на палубу.

– Я пью martini, – сообщил Кремер.

– Отлично, сухой martini.

Они прошли через стеклянные двери с витиеватой надписью «Золотой лев». Лена шла впереди, Кремер за ней с двумя бокалами. На палубе было довольно холодно, дул ветер. Девушка поежилась. Кремер поставил бокалы на палубный столик. Лена села в шезлонг, Кремер остался стоять рядом.

– Майкл Корлеоне, а вам не приходилось заниматься похищениями людей? – неожиданно спросила Лена.

– Нет, не приходилось. Это опасно, я предпочитаю работу поспокойнее.

Она засмеялась:

– Жаль. Я подумала... Вот если бы вы похитили меня и потребовали выкуп, миллионов десять... Это была бы потрясающая история для всех газет! И совсем не опасно. Я бы помогла вам.

– Вы так дорого стоите?

Она с восхитительной небрежностью пожала плечами.

– Я стою много больше. Я – Лена Соломатина.

– О! Этот нефтяной магнат – ваш отец?

– Мой дед.

– Лена, мне сейчас не до похищений. Вы видели телепередачу... Но помочь мне вы можете. У вас есть мобильный телефон? Мне нужно позвонить в Хабаровск.

– Конечно. Он в каюте... Пошли?

Бокалы остались на перилах. Лена привела Кремера в апартаменты, по сравнению с которыми каюта, где он реквизировал костюм, казалась жалкой лачугой. Огромная кровать под прозрачным балдахином наводила на мысль о съемках фильма по мотивам «Тысячи и одной ночи». По спецзаказу, что ли, оборудовали? Ну а почему бы и нет...

Девушка с улыбкой подала Кремеру телефон.

– Вас не обидит, – спросил он со всей светской обходительностью, – если я буду говорить с палубы?

– Обидит. Я же на вашей стороне... Ох, да идите, Майкл Корлеоне! Но вы вернетесь?

– Вернусь, – пообещал Кремер.

– Возвращайтесь скорее. Я буду скучать.

Кремер поднялся на палубу. Он мог позвонить только одному человеку в Хабаровске – Ольге Смоленковой.

Это была авантюра. Возможно, Ольга Смоленкова немедленно сообщит ребятам из «Темникова» о звонке Кремера. Вполне может быть, что и люди Шведова уже вышли на нее, следят за каждым шагом и прослушивают ее телефон. К тому же Кремер не знал, что скажет ей, если и дозвонится.

И она принимала участие в попытке убить его.

Но ведь почему-то она плакала ночью на кухне! И эти руб-

цы от плети на ее спине... Разорванная и склеенная фотография... Кремер чувствовал, что значение всего этого чрезвычайно велико для него, но для выводов не хватало информации.

Он посмотрел на мерцающие в полумраке клавиши телефона и набрал номер. Как и в прошлый раз, она ответила немедленно.

– Слушаю.

– Говорит Артур.

Короткая пауза.

– Кто?

– Тот человек, которому вы перевязывали руку.

Еще пауза, подлиннее.

– Что вам нужно?

– Выслушайте меня, Ольга... Да, мне известно это имя, которое вы мне не назвали... Ладно, меня тоже зовут не Артур. Я тот, кого Медников должен был убить в гостинице. Я знаю многое, знаю и о трупах в подвале. Я знаю достаточно, чтобы упрятать вас в тюрьму до глубокой старости.

Кремер умолк. Она тоже молчала, потом спросила внезапно осипшим голосом:

– Чего вы хотите?

– Я хочу помочь вам. Но и вы помогите мне.

– Что я должна сделать?

– Прежде всего: вы не замечали ничего подозрительного вокруг?

– Чего именно?

– Чего-то вроде слежки.

– Как будто нет, – ответила она без особой уверенности.

Нет так нет. Вряд ли она могла заметить профессионалов Шведова.

– Хорошо. Садитесь в машину и поезжайте в порт, но по пути смотрите очень внимательно, не следят ли за вами. Покрутитесь по городу. Если ничего подозрительного, через час ждите меня у второго пассажирского причала. Не выходите из машины. Вы поняли?

– Да.

– Выезжаете?

– Да.

– И запомните, новая попытка убрать меня, даже удачная, приведет лишь к тому, что все сведения тут же окажутся в милиции.

Кремер прервал связь и направился в каюту Лены. Постучал, но она не откликнулась. Он толкнул дверь – не заперто. Он вошел.

Совершенно обнаженная девушка полулежала на подушках своей сногшибательной кровати и протягивала к нему руки.

– Иди ко мне, гангстер, – пропела она.

Кремер присел на край кровати и положил телефон на тумбочку. Руки девушки обвились вокруг его шеи.

– Мне очень жаль, Лена. – Он погладил ее волосы. – Мне

сообщили, что здесь горячо. Я не могу оставаться на теплоходе. Мои друзья выслали за мной катер.

Она оттолкнула его с разочарованным видом, но тут же снова прижалась к его плечу.

– Твоя жизнь... Это так увлекательно, так волнующе! Я понимаю, ты должен идти. Но я могла бы тебя спрятать...

– Не получится, Лена. Они взялись за дело всерьез.

– Удачи тебе.

– Спасибо... Мне очень жаль, – повторил он и встал. Когда он был уже у двери, она окликнула его:

– Подожди...

– Да?

– Если тебя не сцапают, найди меня. Ты найдешь, ты сумеешь... Может, еще слетаем в Вегас.

– Как знать, – сказал Кремер и закрыл дверь снаружи.

Видит бог, ему действительно было жаль!

Стропа с якорем-кошкой ждала на том месте, где он ее оставил. Спуститься – не то, что подняться, и через минуту он спрыгнул в свою лодку – она мирно покачивалась у борта теплохода. Кремер отвязал ее, взялся за весла, потом завел мотор.

Ветер утих, яркие огни порта отражались в реке. Несмотря на позднюю ночь (вернее, уже раннее утро), акваторию во всех направлениях пересекало множество судов и суденышек самых разных размеров. На лодку Кремера никто не обращал ни малейшего внимания. Только матрос с одного буксира, под киль которого Кремер чуть не подвернулся, ознакомил его со своим репертуаром комплиментов, после чего счел задачу выполненной. Пластиковый нос лодки пружиняще ударился о бетон близ второго причала, у лестницы, ведущей к самой воде.

Прожекторы освещали причал, но в той стороне, где находился Кремер, было полутемно и ни одного человека в виду. Кремер стал осторожно подниматься по лестнице, готовый при первом подозрительном шорохе метнуться в темноту.

Он не услышал никаких подозрительных шорохов. Вскоре серая «девятка» остановилась поодаль. За рулем сидела Ольга Смоленкова. Кремер быстрым шагом подошел к машине и уселся рядом с Ольгой.

– Поехали, – сказал он.

– Куда?

– Я не знаю. Туда, где мы сможем поговорить.

– Почему бы не поговорить здесь?

– В самом деле... Это место не хуже любого другого. Только переберемся вон туда, к старым домам.

Ольга тронула машину и остановилась через пару сотен метров, перед полуразрушенным трехэтажным зданием, зияющим провалами выбитых окон. Она молчала, напряженно вцепившись в руль. Суставы ее пальцев побелели.

– Сначала выясним отношения, – сказал Кремер. – Вы должны понять, что я вам не враг.

– Но кто же вы?

– Видите ли... Я мог бы в двух словах объяснить, кто я такой и что мне нужно, но так мы с вами не договоримся. Я предпочитаю, чтобы вы знали обо мне больше.

Возможно, он совершал ошибку. Но Ольга Смоленкова могла стать важной картой в его игре – в той игре, где в случае проигрыша все остальное уже не будет иметь никакого значения.

И он рассказал ей всю правду – начиная с того вечера в Москве, когда он впервые увидел Голдина, и заканчивая своими подвигами на борту «Александра Воронова». Она слушала молча, ее лицо выражало то недоверие, то удивление, но Кремер чувствовал, как напряжение постепенно покидает ее. Руки ее сползли с рулевого колеса, поза стала не та-

кой застывшей, как немногим ранее, а взгляд — более живым. Когда он закончил говорить, она произнесла:

— Это... странная история, но...

— Вы мне не верите?

— Верю.

— Если вы мне не поможете, мне останется только пойти и сдать Шведову. Но что тогда будет с вами? Фирма «Темников» засвечена. Это лишь вопрос времени.

Ольга вдруг разрыдалась. Кремер сидел неподвижно, не старался ее утешать — ждал, пока она даст выход эмоциям.

— Эти типы, — простонала она. — Да мне было бы легче, если бы милиция их накрыла... Пусть хоть тюрьма... Только не этот бесконечный страх... — Она постепенно приходила в себя. — Когда вы позвонили, я ждала чего угодно...

— И все же вы приехали, — мягко произнес Кремер.

— Да. Я бы все равно приехала. Когда я увидела вас впервые... Еще там, в доме... Мне показалось, что вы не случайно... Конечно, мне и в голову не могло прийти ничего похожего на то, что вы рассказали. Наверное, я втайне надеялась, что вы... Что с вашим появлением, кто бы вы ни были, что-то может измениться... Но я боялась...

Он кивнул. Она достала длинную темно-красную пачку «Сантос-Дюмона» и закурила. Кремер тоже взял сигарету. Светало. Чернильная ночь уступала место серым холодным теням утра. Кремер героически боролся со сном. Говорит она правду или это часть сатанинских игр? Что же, очень

скоро это станет ясным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.